

авантюрная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ВЕЧНОСТЬ ПРОДАЕТСЯ
СО СКИДКОЙ

ТЫ ЗАБЫЛ О СВОИХ СТАРЫХ ГРЕХАХ. НО ОНИ ПОМНЯТ О ТЕБЕ...

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Вечность продается со скидкой

«ЭКСМО»

2004

Леонтьев А. В.

Вечность продается со скидкой / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2004

Наверное, никогда еще судьба не сводила под одной крышей столь разных людей. Все они приехали под Новый год в кемпинг «Серебряная поляна»... Вдова греческого миллиардера и отставной полковник МВД, знаменитая на всю страну телеведущая и нищая учительница физкультуры, известный столичный астролог и древняя старуха, отсидевшая несколько лет в сталинских лагерях... Но кто-то зачем-то собрал их вместе и... обвинил каждого в совершенном когда-то убийстве. Зловещий голос с компакт-диска объявил, что все присутствующие понесут наказание за содеянное и не выйдут отсюда живыми. Гости ошарашены и напуганы, но бежать некуда: вокруг бушует метель. Зловещие предсказания начинают сбываться – первым убит муж хозяйки кемпинга, затем еще трое. Между погибшими нет ничего общего – их объединила лишь смерть. Что это? Дело рук сумасшедшего маньяка или хладнокровного, расчетливого убийцы? А пока оставшиеся в живых подозревают друг друга.

© Леонтьев А. В., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

СПИСОК ПОДОЗРЕВАЕМЫХ:	5
12 мая, отель «Vienna Plaza Hotel», Вена	7
20 декабря, Москва	8
18 декабря, Екатеринбург	10
21 декабря, Екатеринбург	11
25 декабря, Москва	12
21 декабря, Москва	13
22 декабря, Москва	14
22 декабря, Москва	16
21 декабря, Самара	17
21 декабря, Екатеринбург	19
23 декабря, Санкт-Петербург	20
24 декабря, Москва	21
26 декабря, Москва	22
20 декабря, Екатеринбург	27
27 декабря, кемпинг «Серебряная поляна»	28
28 декабря	30
29 декабря	41
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Антон Леонтьев

Вечность продается со скидкой

СПИСОК ПОДОЗРЕВАЕМЫХ:

- **Марина Пояркина**, владеет кемпингом «Серебряная поляна». У нее не мозг, а супер-компьютер.
- **Василий Пояркин**, ее супруг. Бородат. Загадочно улыбается. Станет первой – но не последней – жертвой таинственного убийцы.
- **Вика Богатырева**, восходящая поп-звезда. Готова на все, чтобы стать известной. Немного примитивна, но практической смекалки ей не занимать. Ее вожаемая цель – шиншилловая шуба, красный кабриолет и сольник в Кремлевском дворце. Причем хорошо бы все сразу.
- **Виктор Антонов**, чемпион мира по греко-римской борьбе. Находясь на пике славы, внезапно бросил спорт. Большею частью молчит, но это вовсе не значит, что у него нет собственного мнения.
- **Галина Егоровна Найденова**, неутомимая фанатка здорового образа жизни. Обливается холодной водой, купается в проруби, ходит на лыжах. Большой бюст, белоснежные зубы (без малейшего признака кариеса). Преподает физкультуру в гимназии. Прозвище среди учеников – Дочка Сталина.
- **Генрих Кузнецов**, великий астролог. Видит людей насквозь. Считает себя новым Нострадамусом.
- **Денис Куликов**. Молодожен из Петербурга. Дамский угодник. Умудрился стать дипломированным философом.
- **Настя Куликова**. Его жена. Более чем обеспечена. Безоговорочно верит супругу. Любит комфорт и блага цивилизации.
- **Игорь Александрович Никольский**, крупный столичный финансист. К сорока пяти годам достиг всего, о чем мечтал. Начинает с ужасом осознавать, что богатство ему надоедает. Спонсирует Вику.
- **Ирэн Аристарховна Костандилли**, гранд-дама. Всегда в курсе всех светских новостей. Знает наперечет все дворянские фамилии Старого Света. Выходила замуж восемь раз. Имеет только две тайны – возраст и количество пластических операций.
- **Катя Вранкевич**, дипломированный психолог. Ее хобби – попадать в неприятные истории. До ужаса рада, когда жизнь столкнула ее с настоящим преступлением, но потом понимает, что со смертью не шутят.
- **Лидия Ивановна Мамыкина**, пенсионерка. Много и многих пережила. В свои семьдесят два сохраняет поразительную ясность ума. Не так-то проста, как кажется.
- **Лиза Татаренко**, будущий медик. Ее любимый автор – Дарья Донцова.
- **Николай Кириллович Енусидзе**, полковник МВД в отставке. Уверен, что ни один преступник от него не скроется. Не дурак выпить. Руководит всегда, везде и всеми – сказывается многолетняя привычка.
- **Дима Реутов**, московский журналист. Мечтает о славе. Проницателен, со всеми находит общий язык. Обладает способностью слышать и видеть то, что другие пытаются скрыть.
- **Сергей Леонидович Гончаров**. Владелец сети супермаркетов из Самары. Обожает, когда все слушают только его. Пасынка не выносит.
- **Ольга Евгеньевна Гончарова**. Хрупкая блондинка. Муж для нее – на первом месте. Тайком поедает сладости.

- **Саша Гончаров**, трудный подросток. В четырнадцать лет, как сам уверен, его предали абсолютно все. Ненавидит отчима.
- **Татьяна Живаго**, теледива. Звезда одного из федеральных каналов. Молода, красива, амбициозна. Недавно вышла замуж за очень богатого человека.
- **Петр Сергеевич Сколышев**, историк-краевед. Защитил кандидатскую диссертацию по Византийской империи. Слишком нервный и обидчивый. Считает себя непризнанным гением.

12 мая, отель «Vienna Plaza Hotel», Вена

Пробка бутылки шампанского тихо хлопнула. Янтарная жидкость запенилась в фужере. Тот, кто находился в полном одиночестве в номере венского отеля, хотел отпраздновать завершение подготовительного этапа.

Он (или она? Мужчина или женщина?) взглянул на красную папку, которая лежала на столе. В ней – итог мучительных размышлений. Человек открыл папку и еще раз с несколько самодовольной улыбкой просмотрел записи, сделанные убористым почерком на белых листах.

План убийства. Безукоризненного и поэтому гениального. Вряд ли с учетом сложившейся ситуации можно было изобрести что-то лучшее. Он закрыл глаза. Продумана каждая мелочь. Ни одна из деталей не упущена из виду.

О том, что случится через полгода, будут еще долго говорить. Задуманное преступление не могло быть заурядным убийством. Здесь требовалось что-то необыкновенное, феерическое, сногшибательное. Именно с этой целью и был разработан особый план.

Жертва... Или жертвы? Они ничего не подозревают – и вряд ли поймут что-то до самого конца. Как говорил Шекспир, мир – театр, а люди в нем – актеры. Это преступление будет своего рода театральной постановкой – каждый исполнит надлежащую ему роль. Единственное представление должно пройти с грандиозным успехом. Увы, нет возможности провести генеральную репетицию, но это не помешает замыслу воплотиться в жизнь. Постановщик будущего спектакля пригубил шампанское. Однако никогда нельзя быть уверенным в собственном успехе на все сто процентов. Это чревато поражением. План учитывал и возможные несостыковки или вообще провал. Что же, бывает, иногда пьесу освистывают, но это не мешает ей принадлежать к категории шедевров.

Провала не будет. Он в этом уверен. На карту поставлено слишком много. Причину преступления никто и никогда не узнает, потому что она ведет к тому, кто его замыслил.

Папка снова закрыта. Листы необходимо уничтожить. И тогда весь план останется только в голове «режиссера». Полгода... Это время уйдет на подготовку мизансцены, так сказать. Конец декабря. Премьера кровавого спектакля назначена на это время.

Итак, действующие лица. Они еще не знают, во что вовлечены. Они не подозревают, как и кто из них умрет. Убийство – всегда вынужденный шаг. А многократное убийство – это жест отчаяния. Но другого выхода просто не существует.

Шампанское действительно было великолепным.

20 декабря, Москва

Вика Богатырева захлопала в ладоши. Она знала, что нравится всем мужчинам без исключения. Еще бы, великолепная фигура, огромные зеленые глаза, чувственные губы.

– Игорь, спасибо! Какие восхитительные розы!

Она не лукавила. Букет, который преподнес ей Игорь Александрович Никольский, был на самом деле великолепен. Сто одна бордовая роза. Вся ее гримерная утопала в цветах.

– Это еще не все, Вика, – сказал Никольский и достал из кармана пиджака небольшой сафьяновый футляр. – Будущей примадонне российской эстрады нужно выглядеть лучше всех.

Вика уже давно поняла, что самый верный способ понравиться мужчине и подчинить его себе – как можно чаще восхищаться его умом, великодушием, сексуальностью и так далее. Она родилась в небольшом провинциальном городке на Волге. И вот судьба дала ей шанс, которым нельзя пренебречь. Вика знала, что у нее слабоватые вокальные данные, но это никак не мешает ей стать звездой. Игорь Никольский, банкир, один из наиболее богатых и влиятельных столичных финансовых воротил, открыл ей дорогу в шоу-бизнес. При помощи денег, конечно. Но пройдет всего год – и она станет известна всей стране. Два ее диска разошлись неплохим тиражом, она участвовала в нескольких ток-шоу, где ее анонсировали как восходящую звезду российской эстрады, съемки в «Плейбое» усилили шумиху вокруг ее имени. Кто бы мог еще три года назад подумать, что она, Вика Богатырева, станет такой знаменитой! Но апофеоз ее славы еще впереди.

– Какая прелесть! – совершенно искренне произнесла Вика, раскрыв футляр. Изумительный браслет, переливающийся бриллиантами и сапфирами, стоил баснословно дорого. Вика тотчас примерила его. Игорь не жалел на нее денег, хотя в последнее время она стала замечать в нем некоторую отчужденность. Нужно, чтобы он не бросил ее еще хотя бы полгода. А потом... Потом толпы таких вот Никольских сами будут умолять Вику принять в подарок драгоценную безделушку.

– Я рад, что тебе понравилось, – заметил Игорь Александрович. Его влекло к Вике, в ней была живая непосредственность молодости. Однако он понимал, что главная ее цель – использовать его деньги и влияние, чтобы взлететь наверх. По крайней мере, она честно отработывала это в постели. Игорь Александрович уже давно превратился в циника и не заблуждался насчет дам.

– Игорек, – лукаво улыбаясь, произнесла Вика. – Я хочу, чтобы Новый год мы встретили вместе. Ты мне обещал.

– Хорошо, я подумаю об этом, – произнес Никольский. Законная жена, его ровесница, уже давно вела собственную жизнь, появляясь с ним только на официальных приемах. Он не мешал ей, она закрывала глаза на его многочисленных любовниц. Супруга давно заявила, что собирается в конце декабря уехать в Таиланд.

– Нет, Игорь, скажи, что ты согласен. Я так мечтаю об этом!

– Я согласен, – произнес Никольский. В последнее время он стал замечать, что образ жизни, к которому он стремился многие годы, начинает смертельно ему надоедать. Как осторожно заметил психоаналитик, к которому он обратился, «кризис среднего возраста». К сорока пяти он достиг потолка. Что дальше?

– Милый, давай не поедем за границу, мне надоели курорты для избранных и шикарные отели, – заявила Вика. – Я узнала, что у нас, под Екатеринбургом, есть очаровательное место, называется «Серебряная поляна». Фешенебельный кемпинг с европейским сервисом.

Игорь Александрович с подозрением посмотрел на Вику. Сколько раз она заявляла, что ненавидит холода и плевала на лыжи, предпочитая пляжи Монтевидео и Багамских островов.

– Я уже заказала нам самый просторный номер. Игорек, однако, какое великолепие, – она продолжала разглядывать сверкающий браслет, пытаясь в уме прикинуть его примерную стоимость. Наверняка никак не меньше тридцати тысяч долларов.

Никольский был прав в своих подозрениях – Вика совсем неспроста завела разговор про кемпинг «Серебряная поляна». Неделю назад ей пришло официальное письмо от известной американской звукозаписывающей фирмы, в котором Вику расхваливали как могли и намекали на то, что она вполне достойна раскрутки на Западе. Вика уже несколько месяцев брала уроки английского и теперь сама удивлялась собственной прозорливости. Чтобы получить приглашение в Лос-Анджелес на прослушивание, ей требовалось одно – в конце декабря приехать с Игорем Никольским в «Серебряную поляну». Именно там состоится первая неформальная встреча с представителями фирмы.

Вика честно выполнила условие договора. Неужели она станет знаменитой во всем мире? Чем она хуже, например, Шакиры? Ничем. Дело за малым – побывать в кемпинге и провести там праздники вместе с представителями звукозаписывающей компании.

Разве могла она представить, что ее жизнь сложится так удачно? Вика отогнала назойливые воспоминания из недалекого прошлого. То, что произошло в ее родном городке, осталось в памяти лишь нескольких человек. Все будет великолепно!

Вика Богатырева и не подозревала, что отдых в кемпинге обернется кромешным кошмаром – и не только для нее.

18 декабря, Екатеринбург

Петр Сергеевич Сколышев еще раз перечитал письмо, которое пару минут назад вынул из проржавленного почтового ящика. Они признали его правоту!

Первым его желанием было послать полный издевательского сарказма ответ. Потом, немного подумав, Сколышев пришел к иному решению.

Он жил один. Жена не выдержала его желчного, вздорного характера, взяла двух сыновей и переехала к своей матери, старой мегере, как именовал ее Петр Сергеевич. В однокомнатной квартире, где обитал Сколышев, царил полный разгром. С момента ухода жены – а прошло уже больше двух лет – он ни разу не мыл полы и окна. Помещение походило на замусоренный книжный склад. Спал Петр Сергеевич на прогнутой раскладушке, пренебрегая постельными принадлежностями. Даже тараканы покинули его квартиру, так как питался он редко. Зато развелось до ужаса пауков.

Однако Петр Сергеевич плевал на такие мелочи. Он знал, что его подход к трактовке причин падения Восточной Римской империи гениален. Он защитил по этой теме диссертацию, блестяще защитил. И не его вина, что завистники, исходящие черной злобой, помешали его карьере. Он вынужден прозябать в обыкновенной школе, общаться с малолетними дегенератами, а по ночам писать монографию.

И вот те, кто клеймил его мошенником от науки, обвинял в подтасовке фактов и извращении истины, сами приползли к нему с предложением. Он был гордым человеком, никогда ничего не просил, следуя правилу: надо – сами придут и предложат. И вот момент триумфа настал.

В письме, полном превосходных оценок его таланта и дифирамбов, говорилось о том, что Петр Сергеевич Сколышев является желанным и самым почетным гостем на конгрессе, посвященном истории поздней Византии, который пройдет в конце декабря в «Серебряной поляне».

Сразу видно, что денег у этих столичных нуворишей от науки куры не клюют, раз они проводят конгресс под Новый год в шикарном кемпинге. Они берут на себя все расходы. Обещают присутствие крупных специалистов по этой проблематике. Крупных, надо же! Петр Сергеевич знал одного такого «крупного специалиста». Теперь его уже нет в живых.

Ему обещали отдельный номер, четырехразовое питание, интеллектуальное общение и незабываемую, как гласил текст письма, встречу нового, 2003 года.

Подумав немного и мысленно обругав организаторов конгресса всеми неприличными словами, которые он только знал, Сколышев нацарапал ответ. Специально нашел листок погрязнее, на котором в двух фразах написал, что согласен и пусть только не приглашают профессора Демина, эту «свинью в ермолке». Он так и написал. Свинья в ермолке – это достойный ответ! Он не унижается перед богачами, он не идет у них на поводу. Но все же приятно, когда чтят твои заслуги перед наукой.

21 декабря, Екатеринбург

Лидия Ивановна Мамыкина посмотрела на себя в зеркало. Ей скоро исполнится восемьдесят три. Не слишком ли долго она задержалась на этом свете?

В ее жизни было все: всепоглощающая любовь, воспоминания о которой грели душу до сих пор, ненависть, которая испепелила человека. Лидия Ивановна исправно ходила в церковь. Но тем не менее она была не согласна с догматом всепрощения. Некоторые люди не заслуживают того, чтобы их простили.

Она посмотрела на письмо, которое лежало на туалетном столике. Некая фирма «Эквалайз-Плюс», торгующая мебелью, сообщала, что именно она, Мамыкина Л.И., проживающая по адресу: Екатеринбург, улица Кирова, дом двенадцать, квартира тридцать, стала победителем предновогодней лотереи. Ее выбрал беспристрастный компьютер из миллиона человек. Приз – неделя отдыха в кемпинге «Серебряная поляна» под Екатеринбургом. Фирма обещает великолепные условия проживания, Лидию Ивановну отвезут от дома и доставят обратно на машине.

Несмотря на почтенный возраст, на здоровье Мамыкина не жаловалась. Тяжелые испытания, которых было немало на ее веку, закалили Лидию Ивановну, не позволяли ей раскиснуть. Взять хотя бы годы работы на лесоповале во время заключения в самом конце правления Сталина – и все же она выжила, хотя смертность там была выше, чем в фашистских концлагерях.

Детей у Лидии Ивановны не было. Один умер во время войны, вторая – любимая дочка Лидочка – сгинула после того, как ее мать, признанная виновной в антисоветской деятельности, была осуждена на пятнадцать лет лагерей. Лидочку отправили в детский дом, а там через некоторое время она умерла от дизентерии.

Если Мамыкина останется дома, то в Новый год к ней опять явятся призраки прошлого. Они всегда навещают ее. Вокруг веселятся люди, слышны веселые голоса, гул телевизоров, треск фейерверка. А Лидия Ивановна уже столько лет совершенно одна. Ей не так уже много осталось на этой грешной земле. Она поедет.

25 декабря, Москва

Виктор Антонов нажал кнопку дистанционного пульта. Телевизионная картинка сменилась, но ему было все равно. Целыми днями он тупо сидел в своей шикарной квартире на Кутузовском проспекте перед телевизором и смотрел передачи и фильмы, не особо вникая в смысл того, что показывают по ящику.

Два года назад он стал чемпионом мира по греко-римской борьбе, до этого была бронзовая медаль на Олимпиаде. Ему пожимал руку президент страны, его наградили орденом «За заслуги перед Отечеством». Он получил массу орденов, медалей, почетных грамот и кубков. На следующей Олимпиаде все ему прочили если не «золото», то уж точно почетное «серебро». Виктор был уверен, что обязательно поднимется на первое место пьедестала, считал, что его победа неминуема.

Как гром среди ясного неба разнеслась по всем СМИ шокирующая новость – Антонов уходит из большого спорта. Сначала никто этому не поверил, его телефоны раскались от звонков: каждый из друзей и поклонников спешил выразить свой гнев по поводу гнусных сплетен.

Виктор собрал пресс-конференцию, на которой заявил, что эта новость – правда. Никто не понимал, что заставило Антонова уйти из спорта и оборвать столь блестяще развивающуюся карьеру.

Правду знал только сам Виктор. Именно эта кошмарная истина и приковала его к дивану перед телевизором. Он мог не выходить из дома неделями. Он отключил все телефоны.

И вот это послание по электронной почте.

«Дорогой Витя...» Письмо от его первого тренера, Александра Александровича. Он пишет, что ужасно гордится успехами своего ученика и хочет его увидеть. Тренер с семьей собирается отдохнуть в кемпинге «Серебряная поляна» под бывшим Свердловском. И приглашает Виктора к ним присоединиться.

Антонов никогда бы не согласился на такое предложение, исходи оно от друзей или спонсоров. Но Александр Александрович вывел его в люди, открыл в нем талант, сделал его известным. Он стал ему вторым отцом.

Виктор не может обидеть своего тренера отказом. Он и так провел взаперти долгие месяцы. Пора расстаться с прошлым.

Виктор отбросил пульт. Достал из ящика стола сотовый телефон, которым он давно не пользовался. Ему нужно было заказать билет в Екатеринбург.

21 декабря, Москва

Дима Реутов никак не мог собраться с мыслями. Статья должна быть готова завтра. Точнее, уже сегодня, так как часы показывают почти четыре утра. Он несколько раз начинал по-новому, но ничто не помогало. Материал был слишком убогим, чтобы сделать из него шикарную статью, как требует этого его начальство.

После окончания университета (диплом, надо сказать, был получен с большим скрипом) Диме пришлось перепробовать себя в качестве крупье в казино, продавца косметики, менеджера в автомобильном салоне и даже мальчика по вызову. В последнем случае, правда, его карьера длилась всего несколько часов. Он тотчас ретировался, когда клиентка – жирная тетка явно постбальзаковского возраста – чуть было не изнасиловала Диму в своем серебристом «Мерседесе», остановившись на светофоре. После этого он пробовал себя в театре, пытался торговать компьютерами и даже стал совладельцем бюро, оказывающего похоронные услуги братьям нашим меньшим.

Однако подспудная тяга к журналистике взяла верх над остальными проявлениями его природного авантюризма. Ему удалось устроиться в желтую газетенку, которая продавала второсортные сенсации. Дима обладал буйной фантазией, поэтому ему не составило труда сочинить «утку», в которой утверждалось, что в воде, подаваемой в один из московских микрорайонов, обитают неизвестные науке прозрачные черви. Шум поднялся неописуемый. На газету подали в суд, однако это только увеличило ее популярность и, соответственно, «продажность» и тираж.

Талант Димы заметили. Он опубликовал еще несколько статей, вызвавших не меньший шум, и это позволило ему получить место в самой читаемой газете страны. Это издание также не гнушалось сенсаций, но более высокого качества.

Из динамиков компьютера раздался мелодичный звонок. Пришло сообщение по электронной почте. Неизвестный адресат, скрывающийся за малопонятным адресом 3jk90Ws@yandex.ru, сообщал, что в конце декабря в кемпинге «Серебряная поляна», расположенном под Екатеринбургом, произойдет убийство.

Ежедневно Дима получал несколько десятков электронных сообщений. Почти все отправители клялись и божились, что лично встречались с посланцами внеземного разума, в курсе тайн Кремля и знают, где скрывается Бен Ладен. О неуравновешенном психическом состоянии людей, написавших подобную галиматью, свидетельствовали также вычурность стиля, цвет и размер шрифта и масса ошибок в тексте. Иногда Дима использовал идеи безымянных авторов для сюжета очередной сенсационной статьи.

Но это письмо не претендовало на сенсационность. В сжатой и деловой форме, без единой ошибки, четко и недвусмысленно Реутова информировали, что готовится убийство, которое будет иметь место там-то и тогда-то.

Дима задумался. Он готов принять вызов!

Он покопался в Интернете. Надо же, есть кое-что про кемпинг с идиллическим названием «Серебряная поляна».

Построен он несколько лет назад в тихом местечке. Управляет кемпингом семейная пара, хм, вот и их фотографии. Не шик-модерн, но за вполне умеренную плату можно хорошо отдохнуть. Разве там может произойти убийство?

Вот этого-то он пока что и не знает. Придется проверить. Он поедет в этот кемпинг, так и быть.

Приняв такое решение, Дима вдруг ощутил прилив сил. Было десять минут пятого, у него осталось четыре часа, чтобы написать статью.

22 декабря, Москва

Ирэн Аристарховна Костандилли терпеть не могла подниматься раньше полудня. Она считала, что вставать рано – это удел плебеев, к которым она, разумеется, не относилась. Ирэн принадлежала к избранной касте, была настоящей аристократкой и носила графский титул. Жаль, что в современной России это почти не котируется.

Ритуал ознакомления с утренней почтой проходил в будуаре Ирэн Аристарховны. Когда-то, на заре туманной юности (сколько именно десятилетий назад это было, она держала в тайне), мадам Костандилли, тогда просто Ирочка Желтухина, окончила педагогический вуз, получив диплом преподавателя французского языка. Увы, ее расчет не оправдался – она хотела заполучить в мужья француза, обязательно маркиза или барона, навсегда покинуть не очень-то любимую родину и переселиться в парижский особняк на Елисейских Полях. Судьба оказалась немилосердна к Ирочке, сладкие мечты не сбылись: она забеременела, пришлось срочно выходить замуж за отца ребенка, провинциала-сокурсника. Помучившись пару лет с ненавистным лопухом-мужем и крикливой дочкой, Ирочка нашла себе более выгодную партию. К тому времени она успела стать знойной женщиной, один взгляд которой мог свести с ума любого. Так началось ее восхождение по социальной лестнице.

Она меняла супругов раз в четыре года, как злословили ее недруги. Причем каждый последующий оказывался богаче предыдущего. Ее третий супруг – грек, Георгиос Костандилис, подарил ей подлинную независимость – он был старше ее на тридцать восемь лет. Поэтому, когда полтора года спустя после свадьбы он внезапно скончался, оставив ей, кроме звучной фамилии, миллионное состояние, Ирэн Аристарховна смогла воплотить свои давние мечты в реальность. К тому времени она обитала в Афинах. Перепоручив многопрофильный бизнес умелым наемным менеджерам, она начала наслаждаться жизнью. Участвовала в бесконечных приемах, меняла гардероб раз в сезон, а поклонников и воздыхателей и того чаще. Предпоследний супруг наградил ее вожаемым графским титулом.

После крушения коммунизма, который Ирэн Аристарховна, как аристократка голубых кровей, ненавидела всеми фибрами своей души, у нее появилась возможность вернуться на родину. Мадам Костандилли, поколебавшись, воспользовалась этой возможностью. Теперь она по несколько месяцев обитала то в шикарной московской квартире, то на афинской вилле и в парижском особняке. Ее авторитет в определенных кругах считался непререкаемым, а вкус безупречным. Ирэн уже давно вошла в тот возраст, когда моветоном было выходить замуж за человека старше себя. Мужское окружение ее резко помолодело, теперь все, кто был старше тридцати, автоматически теряли шансы приблизиться к телу Ирэн Аристарховны.

Мадам Костандилли проснулась в полном одиночестве. В огромной спальне царила темнота, несмотря на то, что было половина второго, плотные шторы не пропускали ни единого луча вредного солнца.

Спустя полтора часа, приняв утреннюю ванну, Ирэн Аристарховна соизволила позавтракать. Вышколенная прислуга, которая в обязательном порядке носила накрахмаленную форму, подала ей серебряный поднос с корреспонденцией. Ирэн Аристарховна просмотрела письма. Ничего интересного. Хотя что это...

Ее внимание привлек один конверт. Ну как же, как же! Это ее старинная подруга из Мюнхена, Анна фон Штейниц. В коротком, напечатанном на бумаге с водяными знаками послании баронесса сообщает, что в конце года собирается посетить Россию. Ирэн Аристарховна невольно поморщилась, прочитав, что Анна намерена отдыхать в российской глубинке, в каком-то семейном пансионате или кемпинге. Сейчас Анна в Кении, охотится на слонов.

Она приглашала Ирэн присоединиться к ней. Обещала познакомить ее со своим новым другом. Интересно, едко подумала Ирэн Аристарховна, этот новый друг младше Анны в два или три раза?

Брякнув в колокольчик, она велела принести записную книжку. Мадам Костандилли не признавала новшества наподобие компьютеров или сотовых телефонов. На конец декабря у нее были намечены скучные встречи, Новый год она собиралась провести в Швейцарии. Но ради Анны Ирэн готова изменить свой график.

– Милочка, почему кофе холодный? – недовольно произнесла Ирэн Аристарховна, постукав наманикюренным ногтем по крошечной фарфоровой чашке. Ей будет приятно снова увидеть Анну. И ее нового друга.

22 декабря, Москва

Катя Вранкевич отложила в сторону журнал и зевнула. Пора бы спать. Отогнав эту мысль, она снова взяла в руки толстенное издание. Чтобы стать настоящим психологом, Кате потребуется максимальная самоотдача.

Вранкевич нравилась ее профессия. Катя мечтала устроиться на работу в милицию. Но пока приходилось заниматься со школьниками в юношеском центре. Она не жаловалась, помогать подросткам оказалось очень интересно.

И все же... Ее манил дух романтики. Ей так хотелось, чтобы знания, полученные в университете, помогли, например, раскрыть запутанное преступление. Катя представляла себе, как газеты и телевидение сообщают: молодая выпускница столичного вуза (ее улыбающаяся фотография) вычислила жестокого маньяка или хитроумного афериста. В действительности все пока было иначе. Но Катя не унывала. Она знала, что рано или поздно раскроет сногшибательную тайну. В основе любого преступления лежит психология. Не так важны улики, нужно только поговорить с тем, кого подозревают, – преступник сам выдаст себя.

Катя зевнула еще раз. Может, не нужно сегодня засиживаться допоздна? Так и быть, она должна хорошо выглядеть, а статью прочитает завтра. Или послезавтра.

Письмо лежало на самом видном месте. Катя уже считала дни до того момента, когда она окажется в «Серебряной поляне». Но кто же сделал ей такой щедрый подарок?

Неделю назад она получила официальное приглашение провести несколько дней в шикарном местечке под Екатеринбургом. Проживание и перелет были оплачены неизвестным. Катя даже позвонила по указанному номеру и убедилась, что это не шутка. Ее на самом деле ждали в кемпинге, на ее имя был заказан отдельный номер. Чудеса, да и только!

Она догадывалась, что это мог сделать Паша Любимов. Он ей нравился, они пару раз сходили в ресторан, но говорить с ним было не о чем. Или Костя Перовский? Катя от досады кусала губы. Она, дипломированный психолог, не способна вычислить, кто же сделал ей столь щедрый подарок. Ну ничего, она обязательно поедет и, когда вернется, будет точно знать, кто стоит за всем этим.

21 декабря, Самара

– Мы никуда не поедem, – ледяным тоном произнес Сергей Леонидович Гончаров. – Надеюсь, это понятно?

– Сережа, но почему... – попыталась заикнуться Ольга Евгеньевна Гончарова, но муж ответил ей таким негодующим взглядом, что она сочла за благо замолчать.

Ольга Евгеньевна никогда и ни в чем не противоречила супругу. Сергей был для нее всем. В прямом и переносном смысле. Она встретила его, когда переживала гибель своего первого мужа. Сергей оказался преуспевающим бизнесменом, владельцем сети супермаркетов. В масштабах Самары он являлся богатым человеком, мог позволить себе шестикомнатную квартиру в центре города, загородный особняк и джип. Поэтому, когда он сделал Ольге предложение, она ответила моментальным согласием. Она знала, что требуется новому мужу – полное ее подчинение, домашний уют и никаких детей.

Именно последний пункт и вызывал скандалы в семье. Сын Ольги от первого брака, Саша, никак не мог принять отчима. Он боготворил отца и считал, что мать предала его память, поспешно выскочив замуж за Сергея Леонидовича.

– Саша, – пыталась объяснить сыну Ольга Евгеньевна, – ты должен меня понять – твой отец умер, и этого изменить нельзя. Ты сам знаешь, из-за его болезни у нас были огромные долги. Если бы не Сергей Леонидович, пришлось бы продавать квартиру. Откуда я могла взять пять тысяч долларов? И как бы мы жили дальше, на мою зарплату в коммуналке с бабушкой?

– Ты продала память отца и меня, – упрямо отвечал ей Саша. Он возненавидел отчима с первой же встречи, и тот платил ему тем же. Сергей Леонидович несколько раз отдавал пасынка в престижные гимназии и лицеи, откуда тот неизменно сбегал.

– Учти, Ольга, – сказал как-то муж, – твой сын когда-нибудь доведет меня, и тогда я за себя не ручаюсь. Такого избалованного и наглого подростка я ни разу в жизни не встречал. Вы оба должны благодарить меня за все, что я делаю для вас. Его по-хорошему следовало бы отодрать ремнем.

Ольга Евгеньевна боялась потерять Сергея. Она стыдилась сознаться в этом самой себе, но за три с половиной года привыкла к комфорту, к тому, что не надо трястись над каждым рублем, к отдыху за границей и сытому существованию.

– Твой сын опозорил меня перед моими сотрудниками, поэтому я лишаю вас права отдыхать за границей, – повторил Сергей Леонидович. – Мальчишка превзошел самого себя. Отдыхать в этот Новый год буду только я, запомните это. Вы останетесь дома.

Саша, надев плеер, погрузился в музыку. Новый папаша достал его. И как мать могла выйти за него замуж? Сын любил ее, но с горечью понимал, что она просто-напросто продалась этому уроду. Сергей за ее спиной крутил роман с собственной секретаршей, а мать, зная об этом, покорно делала вид, что ничего не замечает.

Отец умер... Но ведь и Сергея может не стать. Всякий человек смертен. И отчим – вовсе не исключение. Саша улыбнулся, и если бы кто-нибудь видел странную улыбку четырнадцатилетнего подростка, то поразился бы, как быстро она трансформировалась в уродливую гримасу. Отличная мысль, как же он раньше не додумался до этого!

Через десять минут Саша был в кабинете. Сергей Леонидович работал за компьютером. Он прекрасно видел, как пасынок вошел в комнату, но делал вид, что ничего не замечает.

– Сергей Леонидович, извините меня, пожалуйста, за ту глупость, которую я совершил.

Отчим совершенно не ожидал услышать это от Саши. Надо же, а щенок поступил-таки своей гордостью.

– Это не глупость, а идиотизм, – сказал Сергей Леонидович. – Кто ты такой, молокосос, я вас с матерью достал из грязи, а ты...

Саша, покорно опустив голову, запоминал каждое слово. Хорошо, что отчим не видел его взгляда, иначе бы все понял. Подросток покорно кивал головой, а этот идиот, распаляясь, входил в раж, обличая и обличая его неблагодарность. Наконец красноречие отчима иссякло. Саша не проронил ни слова. Сергей Леонидович почувствовал себя значительно лучше. Надо же, мальчишка становится вменяемым. Скорее всего, мать втолковала ему, что если они окажутся снова в коммуналке, то не будет ни навороченного компьютера, ни круглосуточного Интернета.

– Ну хорошо, я тебя прощаю, но смотри у меня! А теперь иди, мне нужно работать, – миролюбиво произнес Сергей Леонидович.

Саша, по-прежнему не поднимая головы, вышел. Он выдержал это испытание. Теперь он знал, что ему делать. Нужно убить Сергея Леонидовича!

21 декабря, Екатеринбург

Галина Егоровна Найденова с наслаждением прожевала тертую сырую свеклу и запила ее морковным соком. Здоровый образ жизни – прежде всего. Этому она учит и детей на своих занятиях. Она преподавала в гимназии физкультуру. Кроме того, три раза в неделю – вторник, четверг, суббота, с шести до восьми вечера, – вела курсы для всех желающих, которых учила тому, как избавить организм от шлаков, поверить в себя и жить в свое удовольствие. У Найденовой был сертификат московской фирмы, торгующей биодобавками, о том, что она прослушала специальный курс лекций. Галина Егоровна брала символическую плату за обучение, для нее главное – наставить людей на истинный путь здоровья. Деньги – это неизбежное зло, искоренить которое невозможно, поэтому лучше относиться к ним равнодушно. И у нее это получалось.

Комплекс упражнений до завтрака, а после – обливание холодной водой. В доме с сентября не было горячей воды, но Галина Егоровна этого словно не замечала. Даже в самый трескучий мороз она принимала ледяной душ. Раз-два, раз-два...

Дети Галины Егоровны давно выросли, она была трижды бабушкой. Мужа-алкоголика выгнала пять лет назад и совершенно об этом не жалела. Секс являлся для Найденовой своего рода физическим упражнением, она занималась им по расписанию. Раз-два, раз-два...

Галина Егоровна чувствовала себя великолепно, врачи не переставали поражаться тому, что, в отличие от абсолютного большинства сверстников, она выглядит на двадцать лет моложе истинного возраста, никогда не посещает врача и всегда верит в лучшее. Поэтому когда несколько дней назад Галина Егоровна получила письмо с приглашением участвовать в очередном цикле лекций по теме «Саморегуляция человеческого организма», она моментально согласилась. Найденова не любила праздники, люди напивались, объедались, замусоривали свой организм. Она проведет Новый год в обществе единомышленников, которые разделяют ее взгляды.

Семинар пройдет в кемпинге «Серебряная поляна». Решено: она едет туда, тем более что щедрая московская фирма оплатила ей дорогу и проживание. Раз-два, раз-два...

23 декабря, Санкт-Петербург

– Денис, и что нам делать? – в растерянности произнесла Настя Куликова.

– Моя маленькая, конечно же, ехать, – сказал Денис, обнимая жену. Он поцеловал ее.

– Ты уверен? – спросила Настя. – Почему этот более чем щедрый подарок оплачивает анонимный отправитель?

– Настюша, это не ты, а я должен волноваться, – произнес Денис и снова поцеловал ее. Они были женаты всего два месяца. – У тебя ведь нет тайного воздыхателя, который назначает любовное рандеву в уральской тайге? Ну-ка признавайся...

– Денис, – Настя попыталась сопротивляться, но больше для вида.

Через полчаса они вернулись к обсуждению таинственного послания, которое получили накануне. Незвестный уведомлял их о том, что они должны встретить Новый год в кемпинге «Серебряная поляна». Двухместный номер на их имя был заказан и оплачен.

– Шикарный подарок, – вздохнул Денис. – Будет жаль, если усилия нашего заочного друга пойдут прахом. Как учит Эмпидокл, если человек хочет сделать добро, не нужно ему мешать.

Настя улыбнулась и посмотрела на супруга. По его внешности нельзя было сказать, что Денис окончил философский факультет. Однако он не уделял должного внимания учебе, предпочитая ей ночные клубы и модельные агентства, в которых подрабатывал манекенщиком. Когда Настя увидела его впервые, то поняла, что ей требуется именно он. Почти двухметровый рост, нордическая внешность скандинавского бога, обезоруживающая обаятельная улыбка.

Денис посмотрел на Настю. Он знал, что никогда не станет настоящим ученым, а на философский поступил потому, что папа-декан, боясь огласки весьма неприличной истории, в которой была замешана его единственная дочь, поспешил откупиться от юного негодяя – Дениса, устроив того на самый сложный факультет. Он втайне рассчитывал на то, что молодой Казанова вылетит после первой же сессии, но Денис Куликов оказался крепким орешком. У него была великолепная память, редкая способность – прочитав один раз, запомнить информацию, и бездна обаяния настоящего мачо. Денис эксплуатировал свою внешность, не гнушаясь принимать от многочисленных женщин ценные подарки. Ни одна из его пассий не была разочарована, даже разрыв проходил легко, и Денис умудрялся оставаться с девушками в хороших отношениях.

Поэтому, когда появилась Настя, он моментально сообразил, что нельзя упускать такой великолепный шанс. Настя была богата и одинока. Ей требовался не просто любовник, а муж. Денис заметил, что начинает выходить в тираж, конкуренцию ему составляли более ретивые и молодые ребята. Настя ему нравилась, возможно, он даже любил ее. Он не собирался обманывать Настю за ее же счет.

Они нашли друг в друге то, что давно искали. Настя отличалась сдержанной, неброской красотой. При своих деньгах она могла бы выглядеть шикарно, но предпочитала простоту и естественность.

Через час они пришли к единому мнению: нужно ехать.

– Ура! – закричал Денис и, подхватив молодую жену на руки, понес ее к дивану. Настя и не думала сопротивляться.

24 декабря, Москва

Звезды никогда не лгут – это Генрих Ромуальдович Кузнецов знал совершенно точно. Он не принадлежал к тем астрологам, которые, не веря в древнюю науку, использовали ее исключительно как возможность заработать на суеверных и малообразованных согражданах. Генрих Кузнецов сверял каждый свой шаг со звездами. Он по праву считался одним из самых известных астрологов России.

Ему грезилась слава Нострадамуса. Предсказания Кузнецова звучали на многих радиостанциях, печатались в газетах, выходили в эфир на второстепенных телевизионных каналах. После того как он посулил жене одного кремлевского чиновника, что вскоре ее муж резко пойдет вверх, и предсказание сбылось через пару месяцев (чиновника, до этого находившегося в тени, вдруг назначили премьер-министром), к Кузнецову потянулись представители политического истеблишмента, творческого бомонда и крупного бизнеса. Он стал модным астрологом.

Конкуренты кляли Кузнецова. То ли на него работал весь аппарат бывшего КГБ, то ли он на самом деле умел разговаривать со звездами, но его прогнозы сбывались гораздо чаще, чем туманные высказывания его коллег по цеху. Он снимал дорожный офис в самом центре Москвы, мог позволить себе отказать в приеме жене министра финансов или сестре нефтяного магната, мотивируя это неблагоприятным расположением небесных светил.

Поэтому, когда Генрих Ромуальдович получил послание, в котором супруга одного чрезвычайно высокопоставленного человека приглашала его отдохнуть в кемпинге под названием «Серебряная поляна» где-то на Урале и заодно проконсультировать ее по некоторым вопросам, он первым делом обратился к звездам. Результат был неутешительным – эта роковая поездка на зимний курорт изменит всю его жизнь. Как он ни бился, но результат был один и тот же. Генрих Ромуальдович знал, что вердикт звезд не окончательный. Они лишь показывают наиболее вероятный исход событий. Если человек приложит усилия, то он победит судьбу.

Кузнецову очень не хотелось ехать. Но звезды были неумолимы – если он не поедет, то его карьера внезапно оборвется. Дама, которая его приглашает, не потерпит отказа. А если поедет, то окажется на распутье. Сумеет ли он победить рок и вернуть расположение светил? А если нет?

Генрих Ромуальдович с отвращением и страхом вспомнил о том, что произошло много лет назад. Тогда от него тоже требовалось принять решение, и он сделал свой выбор. Он знал, что за содеянное рано или поздно придется платить. Похоже, этот момент наступил.

Звезды обмануть нельзя. Поэтому придется согласиться. И будь что будет! От судьбы не уйдешь.

26 декабря, Москва

– ...с визитом... С визитом... Посетит нашу страну с ответным визитом. На этом информационный блок нашего выпуска завершен, а вас еще ждут вести спорта и погода. Всего хорошего!

– Слава богу, кошмар закончился, – произнес ответственный за выпуск. – Я думал, что хуже, чем вчерашний эфир, ничего быть не может. Оказывается, может. Сегодняшний.

Татьяна Живаго, улыбнувшись своей лучезарной улыбкой, которая сделала ее знаменитой на всю страну, машинально закрыла папку с текстом выпуска. Она знала, что сегодняшний эфир прошел отвратительно.

Ей никто ничего не сказал. Татьяна усмехнулась. Еще бы, попробовал бы кто-то заикнуться о том, что она делает чересчур много ошибок. Она – Татьяна Живаго, звезда. Любой другой канал будет счастлив заполучить ее. Ее никто и никогда не уволит – хотя бы по той причине, что этот канал принадлежит ее мужу.

– Татьяна Викторовна, вам нужно собраться, – осторожно сказал ответственный за выпуск новостей. – Я понимаю, у вас очень напряженный график. Мы все с нетерпением ждем, когда Юрий Борисович поправится.

– С Юрием Борисовичем все в полном порядке, – отрезала Татьяна. – И давайте прекратим ненужный разговор. Я понимаю, что допустила промахи. Обещаю, что больше это не повторится.

Она не была капризной или невыносимой. Однако иногда умела весьма доходчиво дать понять человеку, что его мнение ее не интересует.

Оставшись одна в собственном кабинете, Татьяна скинула туфли. Закрыла глаза. Как же быстро пролетело ее счастье.

Тому, что она стала одной из самых популярных телеведущих страны, она обязана исключительно самой себе. Она начинала, когда молодые люди, делавшие бизнес с нуля, были непоколебимо уверены в собственных силах. Они старались донести до зрителей правду. понадобилось всего несколько месяцев, чтобы о ней заговорили. Татьяна не понимала почему – она не делала чего-то особо выдающегося. Однако другие считали ее работу мастерством экстра-класса, писали о ней восторженные статьи, посвящали ей документальные фильмы. Она же только была самой собой. Возможно, в этом таился ответ на вопрос.

Вечерний выпуск закончился. Эфир в двадцать три часа принадлежал другому ведущему. Живаго выходила с новостями в самое «смотрибельное» время – в восемь часов.

В загородный особняк Татьяна добралась около полуночи. Огромный дом, когда-то желанный, который она обставляла с такой тщательностью и трепетом, казался теперь пугающей громадой. Темнота, везде темнота. В последнее время она стала бояться темноты.

Оставив красный «Пежо» в гараже, Татьяна прошла в холл. Никого нет. Она одна в доме. Раздался звонок мобильного телефона. Она уже знала, кто это.

– Да... Я поняла. Какая реакция? И что теперь? Да, конечно, я подъеду к вам.

Юрия Нестерова она полюбила с первого взгляда. Татьяна боялась признаться самой себе, что это так. Он был старше ее на двадцать с лишним лет – тот, кого она же в выпусках последних известий именвала расхожим словом олигарх. Он встречался с сотрудниками канала, который приобрел в собственность. Татьяна волей-неволей была в курсе всего происходящего в политике и бизнесе, достаточно часто в новостях мелькала фамилия Юрия Нестерова. Уверенный в себе седой мужчина, который явно занимается спортом, со стальным блеском в глазах. Немного словен. Наверное, именно такие качества требуются, чтобы обладать состоянием около миллиарда долларов. Это по официальным данным, слухи приписывали Нестерову гораздо больший капитал. Один раз Татьяне довелось наблюдать, как он вел себя на пере-

даче. Приглашенный в прямой эфир, Нестеров оказался один на один с опытным журналистом, который хотел разделаться с косноязычным нуворишем на радость миллионам зрителям. Не тут-то было. С ироничной улыбкой, буравя собеседника глазами, Юрий кратко отвечал на странненькие вопросы, легко обрывая не в меру красноречивого журналиста и указывая на его же противоречия. По общему мнению, победителем из схватки вышел олигарх.

Когда он явился на встречу с сотрудниками их телекомпании, все были готовы к тому, что перед ними окажется денежный мешок, который купил их с потрохами и будет использовать для своих грязных политических и экономических манипуляций. Многие заранее объявили о том, что не потерпят вмешательства в творческий процесс, и собирались уйти.

Нестеров не скрывал, что его цель – заработать при помощи телеканала как можно больше денег. Он намеренно не отвечал на каверзные вопросы, но тем не менее пообещал, что каждый будет волен излагать в репортажах то, что считает правильным.

Самое поразительное, что он сдержал слово. Татьяна, которая вначале была настроена непримиримо к новому владельцу, вдруг с ужасом для себя осознала, что любит его. Нестеров был в разводе, где-то на периферии обитали его бывшая жена и ребенок, которых он щедро обеспечил.

Татьяна никогда бы не рискнула облечь свои мысли в слова, однако Нестеров оказался более решительным. Пикировки в офисе завершились вполне логичным приглашением на деловой ужин. Именно в уютном итальянском ресторане, вход куда был открыт только избранным из избранных, она начала узнавать настоящего Юрия Нестерова. Олигарх, миллиардер, бизнесмен, сделавший состояние за несколько лет в начале девяностых – да, он был таким. Татьяна не идеализировала его. Юрий не был честным или законопослушным гражданином. Он использовал представившиеся возможности, балансируя на грани дозволенного. Со временем он отступил в тень. Фамилия Нестерова никогда не фигурировала в политических скандалах, он не выступал против власти, понимая, что это бессмысленно.

На поверку он оказался очень тонким и романтичным. Татьяна интуитивно угадала, что в нем живет потребность любить. Он мало говорил о своей предыдущей жене и ребенке, кажется, дочери-подростке, а Татьяна и не настаивала.

Первый раз они встретили вместе хмурое предновогоднее утро. Но им было не до праздника. Отключив телефоны, забыв обо всем на свете, они отдались друг другу. Даже охрана Нестерова не знала, где скрывается их хозяин. Они были в замызанной гостинице в небольшом городке около Ярославля. Зевающая тетка-администраторша, получив сто долларов, без проблем предоставила им лучший из имевшихся в наличии номеров и поклялась, что никто их не побеспокоит. Безумная идея сбежать с нудного приема и на гоночной итальянской машине отправиться куда-нибудь подальше от Москвы принадлежала Юрию. Ему предстояли важные переговоры, у Татьяны был эфир, а они наплевали на все.

Они наслаждались свободой ровно сутки. Затем все вошло в свою колею. На Юрия работали профессионалы – они вычислили место, где находится шеф, но из деликатности не появлялись раньше времени. Хитрая тетка, когда любовники покидали гостиницу, попросила у Татьяны автограф, пришлось добавить ей еще пару хрустящих бумажек, чтобы она держала язык за зубами.

Однако уже на следующей неделе весь столичный бомонд только и говорил, что о связи Татьяны Живаго и Юрия Нестерова. Таня узнала о себе совершенно эксклюзивные подробности.

Чтобы положить этому конец, они снова скрылись, на этот раз в Лас-Вегас. Там их объявили мужем и женой, для чего потребовалось всего пятнадцать минут. Никакого подвенечного платья – старые джинсы, стянутые в хвост волосы.

Сохранять брак в тайне удавалось около месяца. Затем грянула сенсация: Татьяна Живаго является женой Юрия Нестерова. Ее друзья отказывались в это поверить, а подруги с

завистью спрашивали, заключили ли они брачный контракт. Никому почему-то не приходило в голову, что они сделали это по любви. Татьяна пыталась объяснить, что ей не требуются деньги Юрия, что она и так обеспечена и знаменита.

– Ну да, ну да, – говорил ей отец. – А все же, Танюша, говорят, что у него больше миллиарда баксов. От таких денег никто еще не отказывался. Он, может, и сволочь, но ради таких денег можно и потерпеть.

Татьяна обиделась. Потом поняла, что это бесполезно. А еще позже задумалась – возможно, окружающие правы и она вышла замуж за Юрия из-за его денег? Будучи топ-журналисткой, она получала большие деньги, владела акциями канала, могла получить безвозмездный кредит. У нее была квартира в столице, хорошая иномарка, Татьяна позволяла себе приобретать одежду известных кутюрье и не задумывалась о том, сколько денег осталось у нее на завтра.

Прелесть богатства Юрия она ощутила, когда первый раз погрузилась в лазурные волны бассейна на его вилле под Ниццей. Нестеров коллекционировал картины старых фламандцев. Когда Татьяне потребовалось за океан, в Вашингтон ее домчал личный лайнер Юрия. Она никак не могла привыкнуть к мысли, что в салоне находится только она одна, поэтому перусердствовала с шампанским. Выступать на конгрессе журналистов из бывших стран соцлагеря ей пришлось с ужасной головной болью, старательно пряча покрасневшие глаза.

Татьяна никогда не надевала драгоценностей, которые дарил ей Юрий. Зато когда они оставались наедине, вели себя как подростки, дурачились. Татьяна цепляла на себя сверкающие браслеты, колье, кольца с огромными камнями, изображала неприступную королеву, любви которой добивался принц. Принц, как всегда, побеждал.

Отношение к ней окружающих изменилось, но она привыкла к этому. Никто не мог упрекнуть Таню в том, что Нестеров держит ее в программе только из-за того, что она его жена. Триумфом Живаго стало получение «Тэфи» в номинации «Лучший ведущий новостных передач». Коллеги моментально зашептались, что Нестеров купил жене право получить статуэтку, и даже называли сумму – миллион долларов. Одному не в меру ретивому журналисту Нестеров как-то заявил, что настоящая цена номинации – три миллиона долларов, и подал иск в суд на эту сумму. Газете пришлось долго судиться.

Четыре года пролетели быстро. Незаметно. Теперь, оказавшись в пустом особняке на Рублевском шоссе, Татьяна вспоминала каждый день их счастья, эти дни ушли безвозвратно.

Татьяна никогда не вникала в дела мужа, прекрасно понимая, что, если ей станут известны подробности того, как его нефтяная империя получает прибыль, она не сможет поступиться журналистскими принципами. И что тогда? Разоблачать самой горячо любимого мужа – или промолчать, забыв о морали? Она знала, что в бизнесе Юрий беспощаден, на него работают лучшие менеджеры и юристы, у него тесные связи с властью. Но даже знай она, что он преступает закон, разве любила бы его меньше? Ничто не изменило бы ее отношения к нему.

В то, что у нее произошел выкидыш, были посвящены только Юрий, их домработница, которой они безоговорочно доверяли, и лечащий врач. У Татьяны началась депрессия, выбраться из которой ей помог Юрий. Обычно он уходил из дома рано утром и приходил поздно вечером, но в этой ситуации он оставался с ней до тех пор, пока Таня не почувствовала себя лучше. Ей скоро исполнится тридцать. Она боялась, что больше не сможет иметь детей.

Однако впереди было самое страшное испытание – болезнь Юрия. Он стал часто жаловаться на боли в подреберье, но пренебрегал советами жены заглянуть к врачу. В свои пятьдесят три он выглядел лучше многих молодых – поджарый, загорелый, сильный, одетый в стильные костюмы. Однажды, поддавшись на уговоры Татьяны, он зашел к врачу с уверенностью, что десяти минут вполне хватит для обследования.

После того как предварительный диагноз, поставленный в России, подтвердили онкологи из Германии, Татьяна не раз проклинала себя за то, что не обращала внимания на гримасы

боли Юрия раньше. Правда, один из лучших специалистов сказал ей, что все зашло слишком далеко и месяц или два, даже год, не сыграли бы особой роли, но все же она корила себя.

Именно в этот момент Татьяна поняла, какое преимущество дает богатство. Лучшие клиники, врачи со всего мира, новейшие и самые дорогие препараты, недоступные простым смертным, были к их услугам. Но судьба по своей непонятной прихоти оказалась неумолимой. У Татьяны часто мелькали мысли, которые она старательно гнала прочь. Юрий призван испытать на себе беспощадность, которую тысячи раз проявлял к другим. Богатство – неужели страшная болезнь расплата за него?

Она обращалась к астрологам, гадалкам, знахарям. Ездил за границу. Ее консультировали полуграмотная бретонская крестьянка и элегантный наследник графа Калиостро в роскошном офисе с видом на Гудзон. Кто-то обещал мужу выздоровление, другие отвечали уклончиво, третьи вообще молчали. Но ничто не помогало Юрию.

Отрицать слухи о болезни главы «Российской нефти» стало невозможным. Татьяна с каменным выражением лица сама прочитала в новостях всего пять строчек о том, что «Юрий Нестеров госпитализирован с подозрением на гипертонический криз». Это был первый раз, когда она намеренно солгала в прямом эфире. Сказать, что он умирает от рака печени, она не могла.

– Как он? – спросила Татьяна, заходя в кабинет лечащего врача. Молодой, но уже с залысинами профессор дал ей обещание, что не будет скрывать правду, какая бы горькая она ни была.

– Татьяна Викторовна, мы делаем все, что в наших силах, – ответил тот. За окном элитной клиники, на последнем этаже которой находился только один пациент – Юрий Нестеров, давно стусилась тьма. Татьяна подумала, что в душе у нее творится нечто похожее. Хотя нет, в тысячу, в миллион раз хуже.

– А как же то бельгийское лекарство? – Ее голос дрогнул. – Вы же говорили...

– Татьяна Викторовна, этот препарат проходит клинические испытания в самой Бельгии, пройдут годы, пока он будет разрешен к применению и запущен в массовое производство...

– Он у вас есть? – спросила Татьяна, зная ответ. – Мой муж вам платит, чтобы вы его вылечили.

– Аллергические реакции... – произнес профессор и смолк. Он поражался этой женщине. Он видел, как она страдает – со страданием врач сталкивался каждый день. Держится Татьяна великолепно. Но даже безграничные финансовые возможности не спасут ее мужа. Его дни сочтены.

Больше всего Татьяна боялась заплакать, когда входила к мужу в палату. От прежнего Юрия Нестерова не осталось ничего. Физически болезнь победила его. Он похудел на тридцать килограммов, кожа превратилась в сухой пергамент. Но глаза! Взгляд, по-прежнему волевой и решительный, был устремлен в будущее. Он знал, что проиграл, но хотел принять поражение достойно.

– Таня, я видел тебя сегодня в новостях, – он шевельнул рукой, в которой был зажат пульт от телевизора. – Ты должна больше отдыхать.

– Юра...

Что она могла ему ответить? Ее слезы по сравнению с тем, что он находится по дороге в вечность, – ничто.

Юрий взял ее ладонь в свою, и Татьяна поразились жару его тела. Она поправила подушку. Провела кончиками пальцев по его щеке. Она готова все отдать, чтобы вернуть прежнего Юрия. Но это невозможно. За последние восемь месяцев она изучила всю доступную литературу о раке. Невероятные случаи исцеления бывают, наука никак не может объяснить их. Людям отводили всего несколько недель – и они жили много лет. Что за этим стояло – Таня

не знала. Она ходила в церковь, которая была построена на деньги Юрия, там за него усердно молились день и ночь. А ему становилось все хуже.

Татьяна знала, что он никогда не покажет, как ему больно, если она рядом. На прошлой неделе врачи настояли на том, чтобы тайно для пациента прибегнуть к наркотикам. Только так можно облегчить его страдания. Татьяна понимала, что настанет день, когда Юрий погрузится в наркотическое забытие, из которого никогда не выйдет.

– Таня, – произнес Нестеров. Каждое слово давалось ему с большим трудом. – У каждого своя судьба. Твоя – жить без меня...

– Юра, что ты, профессор только что сказал, что бельгийский препарат...

– Естественно, он сказал, я же плачу всей этой шайке огромные деньги. И не перебивай меня, Таня. Ты должна знать, что я люблю тебя. Ты – единственная, кто дал мне радость существования. Не бизнес, не деньги, а ты. Поэтому...

Юрий замолчал, закрыл глаза. Татьяна подумала, что он заснул. С больными, которых держат на наркотиках, такое бывает. Вдруг веки Нестерова дрогнули. Осмысленный жесткий взгляд серых глаз. Тихий, но уверенный голос:

– Я знаю, что мне дают морфий или подобную дрянь. Значит, вся эта шобла опустила руки. Я должен остаться с ней один на один.

– С кем? – спросила Татьяна.

Юрий улыбнулся и посмотрел в потолок:

– С ней, ты понимаешь. Ты должна уехать. До тех пор, пока все не будет кончено.

– Нет! – Ее крик был слышен в коридоре. – Я останусь!

– Уедешь, – сказал Юрий. – И немедленно. Я так хочу. Если ты меня любишь, то уедешь.

Подальше отсюда. Ты поняла, Таня?

Он сжал ее ладонь, и на мгновение она увидела в нем прежнего Юрия.

Поэтому когда на следующий день Татьяна обнаружила письмо от туристического агентства, в котором говорилось, что на ее имя забронирован номер в кемпинге «Серебряная поляна», она решила, что поедет. Наверняка это Юрий приказал заказать ей место. Где-то под Екатеринбургом ее никто не узнает, она сможет скрыться от печали. Это Юрина последняя просьба.

20 декабря, Екатеринбург

– Да что ты, Коля! – всплеснула руками Вера Петровна. – В кои-то веки! Я не могу поверить!

– Ну что, дед, поздравляю, – сказал Коля-младший.

Николай Кириллович Енусидзе, полковник в отставке, всю жизнь проработал в системе МВД. В последние годы он с горечью и раздражением наблюдал за тем, как страну разваливают и разворовывают. К власти нужно допускать людей с холодным сердцем и чистыми руками. Полковник Енусидзе полностью поддерживал молодого президента, но считал, что пора наподдать под зад множеству чинуш, прикормленных прежним режимом. Он не одобрял коммунистов и ненавидел либералов. Здоровый консерватизм и стабильность – вот что необходимо России.

– Неужели и о тебе вспомнили? – удивилась жена, подавая яичницу с помидорами и мелко порезанной ветчиной. – Вот-вот, пока сверху не прикажут, сами они не догадаются.

Сегодня утром Николай Кириллович получил письмо из Министерства внутренних дел, в котором говорилось, что ему, доблестному ветерану органов, выделена бесплатная путевка на зимний курорт «Серебряная поляна». Проезд и недельное проживание оплачены.

– Почему только неделю? – проворчала Вера Петровна. – И лучше бы летом дали, на Черное море.

– Ничего, я лыжами займусь, – бодро ответил Николай Кириллович. – Давай, Колька, дуй в ларек, по этому поводу нужно выпить!

Жена укоризненно покачала головой. И чему только старый внука учит! Она рада, что он поедет, развеется, а то совсем дома закис: или с соседями о политике собачится, или отдает приказания, что и как нужно делать, лежа с газетой на диване.

– Ну, я там отдохну! – мечтательно произнес полковник Енусидзе. Жена запилила его совсем, думает, что настоящему мужику повредит лишняя стопка водки. Там можно будет спокойно посидеть с такими же, как он, работягами, обсудить былое. Да и Новый год он встретит по-божески. А то в праздничные дни по каналам крутят сплошняком дурацкую попсу и несмешных юмористов. А он еще мужчина хоть куда!

Николай Кириллович украдкой посмотрел на жену. Что ни говори, но у них давно уже ничего серьезного не было. А там, в этом доме отдыха, или как его, небось и девчонки молоденькие будут, и из персонала наверняка симпатичные есть. Он им спуска не даст.

– Эх, хороша! – И прозрачная струя полилась в стопку.

27 декабря, кемпинг «Серебряная поляна»

Марина Пояркина проверила еще раз подвал. Продуктов вполне достаточно. Она никогда не допустит, чтобы ее кемпинг потерял тот статус, который он приобрел в последние годы. «Серебряная поляна» входила в моду, и это Марину радовало. Неужели сбылась мечта ее жизни – стать богатой?

Марина познакомилась со своим будущим мужем Василием в институте. Немногословный статный бородач разбудил ее женское любопытство. Марина относилась к тому типу женщин, которые добиваются поставленной цели во что бы то ни стало. Василий игнорировал знаки внимания с ее стороны, и это заставило Марину действовать более решительно.

Они поженились сразу после выпускных экзаменов. Марине не требовался муж, который ограждал бы ее от всех неприятностей, но и такой, за которым, как за малым ребенком, пришлось бы постоянно следить, тоже не был нужен. Марина с некоторым удивлением заметила, что Василий остался для нее загадкой даже пятнадцать лет спустя после свадьбы.

Волны нового времени захлестнули их обоих. Василий подался в бизнес, но быстро прогорел. Марина – она всегда знала, что голова у нее работает не хуже компьютера, – решила заняться гостиничным делом. Друзья и знакомые откровенно смеялись, никто не хотел отдыхать в России, тем более на заснеженном Урале, и только сама Пояркина верила, что ее ждет успех.

Когда дело внезапно пошло на лад, многие прикусили языки. Марина всегда добивалась того, чего хотела. О ее кемпинге заговорили, чиновники из местной администрации облюбовали уютный зимний курорт. Они были уверены, что никто и никогда не узнает, в чьей компании они отдыхали в «Серебряной поляне». К тому же местную знать устраивал высокий уровень сервиса.

Марина выполняла одновременно функции бухгалтера, экономки, горничной. Василий являлся генеральным директором и шеф-поваром. Наконец-то сбылась мечта Марины – они с мужем смогли выбраться на несколько дней в Австрию. Марина потратила это время, чтобы ознакомиться с системой работы тамошних курортов.

На этот Новый год ожидался массовый приезд гостей. Все номера были забронированы одним человеком. Марине было все равно, кто собирается проводить время в ее кемпинге. Один раз сюда даже съехались братки, но и они являлись для нее такими же клиентами, как все остальные. Таинственный незнакомец, заказавший махом все номера, не скупился. Марине пришлось отказать большому количеству желающих. Только семья из Самары (муж, жена и ребенок) никак не соглашались отменить поездку. Марине пришлось беседовать с главой семьи. Она поняла, что с таким человеком лучше не спорить. Он относился к разряду вздорных людей, которые ради себя готовы поставить на уши весь мир.

– А погода-то ухудшается, – сказал Василий, возвращаясь с мороза в помещение. Белые клубы пара окутали его фигуру. На улице быстро темнело. – Как бы не было заносов.

– Не будет, – жестко ответила Марина. – Пока все не окажутся в «Серебряной поляне», погода будет хорошей.

Она слушала прогноз синоптиков. Через несколько дней обещали пургу. Здесь это часто бывает. Несколько раз кемпинг оказывался отрезанным от всего мира. Несмотря на то, что он располагался в пятидесяти километрах от города, вокруг него было царство первозданной природы.

– Шампанское, – в который раз проверила Марина. – Достаточно.

Встреча Нового года – хлопотное дело. Гости нужно обеспечить продуктами, развеселить, устроить капризы и пожелания каждого. Но на то она и была хозяйкой кемпинга, чтобы каждый остался доволен.

«Серебряная поляна» представляла собой комплекс из основного здания, в котором располагались просторные и комфортабельные номера, пристроенного к нему гаража и сауны, стоявшей поодаль. Рядом проходила лыжная трасса, имелся собственный каток. Посмотрев на крупные хлопья снега, кружащиеся в бешеном танце за окном, Марина вздохнула. В этом году праздник обещает прийти на снегопад. Но, как она знала по собственному опыту, многие гости вовсе не огорчаются этому, они предпочитают потрескивающий огонь камина, сытный обед и танцы прогулкам по морозу.

– Вася, завтра с утра встречай первых гостей, – сказала Марина. В распоряжении кемпинга было два снегохода, а также внедорожник. Гости могли добираться сюда и на собственных машинах, в кемпинге имелася автостоянка, а Василий, помимо всего прочего, являлся великолепным механиком.

– Я помню, – ответил муж. – Двух человек. Другие приедут в течение нескольких дней. Пояркина слушала мужа вполуха.

У Марины было странное предчувствие. Обычно номера раскупаются по отдельности богатыми или, по крайней мере, обеспеченными людьми. На этот раз все было не так. В списке гостей, который у нее был, конечно, значились известные фамилии. Марина читала светскую хронику и бизнес-прессу. Но, кроме них, некоторые гости вызывали у нее особый интерес. Например, учитель истории или преподавательница физкультуры. Хотя сейчас разные бывают учителя, занимаются, предположим, бизнесом или преподают в частной гимназии. Или пенсионерка, которой за восемьдесят. Ее отдых могли оплатить дети или даже внуки – подарок любимой бабушке.

У каждого из гостей был свой мотив, чтобы в конце декабря оказаться в «Серебряной поляне», но почему они собрались здесь все вместе?

Марина знала, что сейчас многие фирмы и предприятия, финансовые возможности которых позволяют поощрять сотрудников, заказывают целые санатории или кемпинги для отдыха. В этом нет ничего удивительного, люди хотят расслабиться вместе. Но ожидающиеся со дня на день гости совсем не попадали под такую категорию. Они явно не работали вместе, у них был разный социальный статус, они разительно отличались по возрасту.

В другом случае Марина, не задумываясь, сказала бы, что это простое совпадение, каждый из клиентов решил отдохнуть, вот и собрались эти семнадцать человек в «Серебряной поляне». Так-то оно так... Но тогда кто тот аноним, заказавший для всех номера и оплативший их наличными?

Еще в середине лета, когда Марина разрывалась в кемпинге на части, пришел факс, в котором некая московская компания заказывала все номера на Новый год. Оплата последовала незамедлительно. С ними связался человек из Екатеринбурга, который лично доставил им весьма внушительную сумму. Марина, как всегда осторожно, проверила – и выяснилось, что эта компания действительно существует, но никакого отношения к заказу она не имеет. Марина бы расценила все как глупую шутку, если бы не пачка долларов, которой были оплачены ее услуги. Некоторое время спустя пришел еще один факс, подтверждавший заказ. К нему прилагался точный список гостей и странные распоряжения. Создавалось впечатление, что аноним, который организовывал отдых почти двадцати человек, знал про каждого из них очень много. Исполнение распоряжений оплачивалось отдельно – и более чем щедро. Марина, решив, что у каждого свои прихоти, предпочла закрыть на все глаза. Деньги есть деньги. Ее кемпинг – самое безопасное в округе место. У Василия есть арсенал охотничьих ружей, некоторые гости любят поохотиться.

Она еще раз прошла по комнатам. К приезду гостей все готово. Идеальная чистота, размеренный образ жизни, вкусная еда, свежий воздух – что еще требуется людям?

28 декабря

– Я так благодарна этой фирме, – в который раз повторила Лидия Ивановна Мамыкина. – Вы не представляете, какой это для меня подарок. А вы тоже выиграли поездку?

– Нет, – сквозь зубы процедила Ирэн Аристарховна Костандилли.

Закутанная в соболиную шубу, она пыталась не обращать внимания на попутчицу. Что эта старуха делает здесь? Ирэн прилетела из Москвы charterным рейсом, ее встретил импозантный бородач. Слава богу, у него имелся вполне сносный джип. Ирэн Аристарховна не выносила русских машин. С собой она взяла всего три чемодана, вещей должно хватить на неделю. Теперь она жалела, что вообще приняла приглашение Анны фон Штейниц. Она-то думала, что окажется на элитном курорте и будет избавлена от назойливых плебеев.

Лидия Ивановна, казалось, не замечала недовольства и презрения, исходящего от Ирэн Аристарховны.

Василий, уже не первый год доставлявший гостей в кемпинг, про себя удивился. Эти две женщины разительно отличались друг от друга. Одна, сухонькая, подвижная, говорливая, была обыкновенной пенсионеркой, одетой в повидавшее виды пальто и вышедшую лет тридцать назад из моды каракулевую шапку. Другая, наоборот, тщательно скрывала свой возраст, кутаясь в шикарный воротник безумно дорогой шубы. На обтянутой черной кожей руке, поверх перчатки, сверкало несколько перстней с ненатурально крупными камнями. Одни чемоданы стоили никак не меньше пары тысяч долларов. Василию были знакомы подобные клиентки – капризные, чересчур богатые, а, в принципе, несчастные. Но кто бы осмелился им об этом сказать!

– Какая красота! – произнесла Лидия Ивановна. – Как хорошо смотреть на это из теплой машины, – она постучала по стеклу, за которым проносился лес. – Не нужно вставать в пять утра, выползать из барака и отправляться на лесоповал.

Ирэн Аристарховна дернулась от нее в сторону. Может, потребовать, чтобы бородачатый шофер доставил ее обратно в аэропорт? Она не собирается проводить время под одной крышей с этой бабкой, которая, судя по разговорам, еще и сидела. Анна выбрала совершенно неподходящее место для отдыха. Поразмыслив, мадам Костандилли решила все же увидаться с баронессой фон Штейниц. Та смертельно обидится, если ее приглашением пренебрегут. И погода ухудшается. Рейсу из Москвы еле дали разрешение на посадку, все затянуто туманом, говорят, что надвигается буря. Нет, следовало все же провести Новый год подальше от России.

– Дамы, мы на месте, – сочным басом произнес Василий Пояркин. – Прошу вас.

Игорь Александрович Никольский с любопытством посмотрел на вновь прибывших. Коньяк в этом местечке был совсем неплохой. Сервис тоже. Их обслуживала всего одна женщина – Марина, приятная, чуть полноватая шатенка с упрямо сжатыми губами. Ее молчаливый муж творил чудеса на кухне.

– Я хочу видеть госпожу баронессу, – произнесла Ирэн Аристарховна.

Ее взгляд скользнул по гостинице. Что же, совсем неплохо для провинциальной России. У хозяев водились деньги. Хорошее центральное отопление, весело потрескивающий камин, обшитый дубовыми панелями холл. Мадам Костандилли сразу узнала Никольского. Крупный бизнесмен. Он, кажется, со своей очередной любовницей, молодой смазливой блондинкой с глупенькими фиалковыми глазками. Она сидит и листает пальчиком модный журнал. Так, так...

– Вы слышите, милочка, – обратилась Ирэн к Марине, – доложите ее сиятельству баронессе фон Штейниц, что я прибыла. Она сможет меня принять?

– Ирэн Аристарховна, – Марина сдержанно улыбнулась, – к сожалению, среди наших гостей нет баронессы фон Штейниц.

– Надо же, – повела плечом Ирэн Аристарховна. – Анна еще и опаздывает! Раз она пригласила меня к вам, то должна и встречать. Хорошо, несите чемоданы в мой номер. У меня ведь люкс?

– Конечно, – ответила Марина. Все номера были примерно одинаковы, но Ирэн Аристарховне знать об этом вовсе не обязательно. Пусть считает, что занимает лучший.

– Странная особа, – протянула Вика, рассматривая шикарное вечернее платье от Лагерфельда. – Правда, Игорек?

– Богата до безобразия, – лениво ответил Никольский. – Ей под шестьдесят, а хочет выглядеть, как ты.

Вика нахмурила лоб. Молодящаяся светская львица, которая будет тянуть одеяло на себя, – ей только этого не хватало. Вике польстило, что Марина, хозяйка кемпинга, миловидная женщина, сразу же узнала ее и попросила автограф. Вика подарила ей свой компакт-диск. Поклонники пока что не баловали ее вниманием.

Лидия Ивановна, поздоровавшись с мужчиной и красоткой, сидевшими в глубоких кожаных креслах, дождалась Марины. Та, очаровательно улыбнувшись, справилась о ее самочувствии. Она мгновенно оценила поношенное пальто новой гостьи и ее скромную сумку. Это не имело никакого значения – для нее все гости равны. Тем более что пребывание Лидии Ивановны оплачено заранее.

– Какой восхитительный номер! – сказала Мамыкина, когда переступила порог комнаты. – Я уверена, что кровати у вас мягкие-мягкие. Я уже давно в том возрасте, когда нужно думать о спине.

Лидия Ивановна рассмеялась, и Марина поняла, что старушка, не скрывающая свои годы, гораздо милее, чем надменная мадам Костандилли.

– Вы не знаете, – спросила Лидия Ивановна, – здесь отдыхают все, кто выиграл приз от фирмы?

– Чертовы поезда, они вечно опаздывают, – выругался Сергей Леонидович Гончаров. – Бери чемодан, нас должны встречать, – бросил он пасынку.

Саша, который в любой другой раз непременно проигнорировал бы приказание отчима, покорно схватил тяжеленный чемодан.

– Он сам донесет, – обратился Сергей Леонидович к жене. – Парень выше меня, а ты все обращаешься с ним как с крошечкой. Скоро женить будем, так что о маме ему придется забыть.

Их встречал бородатый мужчина в теплой куртке и меховой шапке: большая и видная издали табличка с их именами, уютная, вместительная машина. Сергей Леонидович не пожалел, что еще летом заказал номера в этом кемпинге. Правда, потом он разговаривал со сладкоречивой дамой, которая пыталась выяснить, не откажутся ли они от своего заказа. Еще чего! Знает он эти пашни – наверняка кто-то предложил ей побольше за номер, вот она и старается для этого толстосума. Гончаров не такой человек, чтобы кому-то уступать.

– Много гостей? – поинтересовался Сергей Леонидович у Василия, того самого высокого бородача. Узнав, что ожидается полный заезд, он удовлетворенно кивнул головой.

По дороге с вокзала Василий развлекал гостей анекдотами. Сергей Леонидович успокоился. Он не зря принял решение ехать.

Кемпинг оказался добротным каменным зданием. Гончаров позволил Василию подхватить чемоданы, а сам прошел внутрь.

– Добрый день! – поздоровался он с надменной особой, расположившейся в гостиной около камина. Та ничего не ответила, зато ему приветливо кивнула маленькая старушка, напоминавшая всем своим обликом добрую бабушку.

Двухместный номер был хорошо меблирован. Мальчишка занял отдельную комнату. Сергей Леонидович не хотел брать его на отдых, но потом передумал. Если Александр останется дома, то наверняка наделает глупостей. Так что лучше держать его под постоянным приглядом.

– Я не ошибся, что выбрал этот кемпинг, – произнес он, и жена тотчас поддакнула. – Я очень устал за год, так что хочу хорошо отдохнуть.

Марина внимательно следила за прогнозом погоды. Синоптики обещали временное улучшение. Она этому не поверила. Погода явно ухудшалась. С утра поднялся резкий, колючий ветер, усиливавшийся с каждым часом. Снег перестал идти еще вчера, но небо было затянуто серо-свинцовыми тучами. Скорее всего, приближается буря. Самое важное – успеть встретить всех гостей до того, как начнется буйство стихии.

В теплом доме завывание ветра казалось не более чем декорацией к уютной новогодней сказке. Гости уже освоились с новым местом, начали потихоньку знакомиться. Даже Ирэн Аристарховна снизошла до того, что объяснила Вике разницу между колумбийским и уральским изумрудом.

Татьяна Живаго появилась неожиданно. Она не хотела, чтобы ее кто-то встречал. Она вообще предпочла бы оказаться одна. Ее неприятно поразило то, что в кемпинге достаточно много гостей и разговоры журчат подобно ручьям. Она совсем не походила на свой экранный образ. Минимум косметики, черные очки, на смену элегантным костюмам пришли джинсы и грубый свитер. Татьяна кивнула компании, которая что-то бурно обсуждала в гостиной, и, не слушая комплиментов энергичной хозяйки, поднялась в свой номер. Юрий захотел, чтобы она очутилась здесь. Она не нарушит его волю. Таня забралась на кровать, отказалась от ужина и, укрывшись одеялом с головой, попыталась уснуть. Но мысли неизменно возвращались к московской клинике.

– Всем добрый вечер! – провозгласил Николай Кириллович Енусидзе. Он прибыл в «Серебряную поляну» вместе с Катей Вранкевич и Петром Сергеевичем Сколышевым. Хлипкий длинноволосый учитель истории сразу не понравился отставному полковнику. Есть в нем что-то подозрительное. А девушка... Николай Кириллович усмехнулся. Вот-вот, за этим он сюда и прибыл. Он заметил вторую симпатяжку, но та держалась подле высокого хлыща, мужа или любовника. Еще один бабец, весь в драгоценностях, даже не удостоила его взглядом. Ничего, она просто не знает, каков он на самом деле. Да и администраторша недурна, у нее хорошая фигурка.

– И что, у вас часто МВД бронирует места? – спросил он у Марины. – Я напишу министру о том, что сотрудницы – просто блеск! – он с воодушевлением посмотрел на Пояркину.

Та мило улыбнулась. Ей не раз приходилось управляться со стареющими ловеласами, которые были уверены, что все еще неотразимы для женского пола.

– Денег не жалеют, – крикнул Енусидзе, обозревая свою комнату. Выдержанный в веселых тонах номер выглядел совсем по-европейски.

Марина не жалела денег на антураж. Но Василий не знал, каким образом ей удалось получить кредит в банке. Она по-своему любила мужа. Точнее, он был ей необходим. Марина прекрасно знала собственные недостатки. Немногие мужчины смогут жить с ней вместе. Василий был рядом с Мариной многие годы. Он – слабак, несмотря на свой богатырский вид. Но Марина смирилась с этим, главное – он смотрит ей в рот.

– Я рада, что вам у нас нравится, – ответила она Енусидзе. – Ужин начинается с шести. Вы можете спуститься вниз, когда вам удобно.

Катя в восторге бухнулась на кровать. Неужели кто-то из ее поклонников пошел на такие траты? Она взвесила все «за» и «против» и пришла к выводу, что они, конечно, неплохие ребята, но никто из них не способен на столь широкий жест. Ее родители жили далеко, у них не было денег, чтобы подарить своей дочери отдых в кемпинге. Но тогда кто? Она, как психолог, должна докопаться до истины. Катя вспомнила путь от железнодорожного вокзала в одной машине с Николаем Кирилловичем. Полковник в отставке да еще следователь – вот кто ей пригодится. Он сказал, что Катя может обращаться к нему в любое время дня и ночи. Катя захихикала, вспомнив, как Енусидзе пытался очаровать ее. Приятный, хотя и несколько назойливый человек. А вот второй... Кажется, учитель истории. Угрюмо молчал всю дорогу, как будто брезговал находиться с ними под одной крышей. Наверняка у него масса комплексов и болезненное самолюбие.

– Дурочка, – произнесла Катя. – Ты приехала сюда, чтобы отдохнуть. Расслабься и забудь о работе. И все же – кто заказал мне номер?

Марина тоже ломала голову над этим вопросом. От каждого гостя она слышала новую версию. Похоже, никто не знал автора столь щедрого подарка. Гости не были знакомы. Часть из них была богата и знаменита, другие – вполне обычные, рядовые люди. Так что же их объединяет. И кто? Задумываться у Марины не было времени, так как Василий привез молодоженов Куликовых. Им отводился второй двухместный номер.

– Денис, как здесь классно! – воскликнула Настя.

Денис, проинспектировав ванную, произнес многозначительно:

– Нужно немного освежиться и принять душ. Ты со мной?

Генрих Кузнецов, закутанный в плащ с меховой подкладкой, молитвенно сложил руки. Астролог никогда не беседовал с водителями – каждую свободную минуту он тратил на глубокие размышления или медитацию. Вообще-то, он был уверен, что его встретит машина с особыми номерами. Дама, которая просила его приехать, замужем за очень влиятельным человеком.

Василий Пояркин искоса глянул на нового гостя. Он привык к подобным типам. Этот, похоже, представитель богемы.

Погода ухудшалась. Снегопад усиливался, видимость падала. Аэропорт временно не принимал рейсы. Но все гости уже прибыли.

– Осторожнее! – произнес Генрих, когда Василий резко затормозил. – Что у вас за манеры!

Пояркин не ответил. Он вообще не обращал внимания на причуды гостей. Марина приучила его к тому, что именно от них зависит благополучие «Серебряной поляны».

– У вас мило, мило, – сказал Кузнецов. – Кто бы мог подумать, что в такой глуши есть вполне приличные места.

– А почему вы ушли из спорта? – спросила Галина Егоровна. – Вы, великий Виктор Антонов. У вас же были все шансы на то, чтобы выиграть Олимпиаду.

Он проигнорировал вопрос, который задала ему особа с пышным бюстом и здоровым, как она объявила во всеуслышанье, пищеварением. Найденова не считала физиологические подробности чем-то зазорным. Наоборот, здоровый дух должен быть в здоровом теле. Поэтому, увидев чемпиона мира по греко-римской борьбе, она обратилась к нему как к истинному приверженцу этой заповеди. А он отвернулся!

– Что за особа, – прошептала Ирэн Аристарховна. Она никак не могла добиться от хитроватой хозяйки кемпинга, когда приедет Анна фон Штейниц. Баронесса, конечно, могла задержаться – полеты, похоже, отменили из-за метели. Ирэн Аристарховна ненавидела, когда люди не сдерживают обещаний. Если Анна передумала, то обязана была сообщить об этом заранее.

В итоге в самый канун праздника Ирэн оказалась в тайге, в компании с сомнительными личностями. Взять хотя бы этих женщин. Старушка – божий одуванчик, судя по всему, сидела в тюрьме. Все время беседует о бразильских сериалах и зимних заготовках. Или похожая на кобылу Галина, фанатка здорового образа жизни. Тупа, как пробка. Отвратительная особа, задает вопросы невпопад, громко смеется и рассказывает всем о лечении гастрита.

– Вы не правы, – мягко улыбнулась Лидия Ивановна. – Жизнь научила меня, что к людям нужно относиться терпимее. Вы ведь со мной согласны?

Ирэн Аристарховна оглядела сухонькую женщину. Видавшая виды темно-синяя вязаная кофта, старое платье, совершенно убогая брошка в виде цветочка – такие носили в середине пятидесятых. Ладно бы с бриллиантами или крупным рубином, а то обычный ширпотреб из дутого стекла и позолоты. И все же... Что-то в этой старушке не давало Ирэн Аристарховне покоя. Она задумалась. Что же именно?

– В наши годы следует задумываться о здоровье, – продолжала Галина Егоровна. Она не замечала, что ее никто не слушает, а не прерывают только из вежливости. – Вот ты, например, Ира, занимаешься лечебным голоданием?

Мадам Костандилли едва не задохнулась от негодования. В наши годы! В какие такие наши годы? Что она себе позволяет, обращаясь к ней на «ты»! Нет, если Анна забыла о встрече, то, пока не поздно, надо немедленно возвращаться в Москву.

Ирэн Аристарховна была недовольна столицей, но уж лучше Москва, чем Тмутаракань с беспардонными особами.

– Я пробовала этим заниматься, милейшая, когда жила на Барбадосе, – процедила она сквозь зубы. – Уверяю вас, целебная сила голодания очень преувеличена!

Николай Кириллович Енусидзе веселил Катю анекдотами. Настя и Денис Куликовы еще не покидали номер. Журналист Дима Реутов, похожий на почуявшую добычу собаку, внимательно следил за беседой в гостиной. Итак, именно здесь должно произойти убийство. Он попытался угадать, кто же намечен на роль жертвы. Будь он автором криминальных романов, то непременно повернул бы сюжет так... Увешанная драгоценностями дама без возраста, в которой он, завсегдатай столичных тусовок, без труда узнал Ирэн Костандилли... Его мысль заскрежетала. Что она-то здесь делает? Итак, утром аппетитная хозяйка кемпинга Мариночка входит в номер Ирэн... И обнаруживает тело голой миллионерши в ванной. Ее придушили черным капроновым чулком. Впрочем, судя по стройным ножкам Ирэн, она не носит капроновые чулки.

Внимание Димы переключилось на тетю Галю, как он окрестил чересчур активную поборницу спаржи и крапивы. Злобный маньяк, лицо которого скрыто за маской хоккеиста, нападает на тетю Галю с тесаком... Нет, этот номер не пройдет! Она в два счета скрутит маньяка и, наподдав ему мощным бюстом, запрет в подвале. Тогда, может, Генрих Кузнецов?

Дима заметил, что астролог уже несколько раз что-то спрашивал у Марины и, получив отрицательный ответ, снова садился в глубокое кресло. Он заметно нервничал, беззвучно шевелил губами и машинально прикасался к прозрачному розовому камню, висевшему на тонкой цепочке поверх его балахона. Журналистское чутье не подвело Реутова. Он был уверен, что разношерстная публика собралась здесь не просто так. В воздухе витало напряжение. Как перед грозой.

Услышав мелодичный смех, Дима посмотрел на молодую женщину. Лет двадцать пять – двадцать шесть. Красивые темные волосы, нежная кожа, хорошая фигурка. Ее развлекает скабрёзными анекдотами старый вояка. Судя по его красному лицу и набрякшим мешкам под глазами, товарищ полковник любит поддать.

– Дамы и господа, – произнесла Марина. – Прошу вас, ужин готов.

Часы пробили половину седьмого. Стол был сервирован великолепно. Василий оказался виртуозным поваром. Гости, забыв о разногласиях, дружно принялись за еду. Николай Кириллович отдал должное настойке на еловых шишках. Атмосфера разрядилась.

Чуть позже появились Куликовы. Ирэн Аристарховна опытным глазом оценила смазливую физиономию Дениса и невзрачность его жены. Судя по всему, кошелем в семье является она.

– ...вот после этого я и решила, что отдых пойдет мне на пользу, – закончила Лидия Ивановна. – Я считала все эти фирмы мошенническими, но есть среди них и честные.

Игорь Никольский откровенно скучал. Он не понимал, почему Вика притащила его в эту уральскую гостиницу. Вика, нервно кусая губы, старалась понять, в чем же дело. Где же представители звукозаписывающей фирмы? Они обещали, что приедут для важного разговора. Или это чья-то плохая шутка?

Виктор Антонов тоже недоумевал – Александр Александрович среди гостей не значился. Но зачем тогда первый тренер попросил его приехать в богом забытую глушь? Или это был вовсе не Александр Александрович?

Отсутствовала за столом только Татьяна Живаго. Она сказала, что не голодна, и отказалась ужинать.

– Погода не способствует активному отдыху, – сказала Галина Егоровна. – Какой прогноз на завтра? И я не поняла, где другие участники семинара?

Ирэн Костандилли фыркнула. Что за деревенщина! Думает, что все собрались здесь ради какого-то конгресса или семинара.

– Погода ухудшается, – спокойно заметила Марина Пояркина. – Но это не должно вас волновать. Снегопад скоро закончится, и лыжная трасса будет в вашем распоряжении. В нашем кемпинге имеется спортивный зал и мини-бассейн. Василий подготовит сауну по вашему первому требованию.

– И все-таки я не понял, – подал наконец голос Виктор Антонов. – Для чего мы здесь собрались?

Его вопрос произвел на всех странное впечатление. Сначала была долгая пауза. Потом раздались сбивчивые ответы, словно оправдания. Марина поспешила ретироваться. Она и сама задавалась тем же вопросом. Кто и зачем собрал этих людей в ее кемпинге? Они такие разные – и по социальному положению, и по возрасту, и по характеру. Ей заплатили очень хорошие деньги. За что же?

Она зашла на кухню. Василия не было. Наверное, опять спустился в котельную. Надо ему сказать, чтобы принес дрова для камина. И пора подавать десерт.

– Значит, нас собрали здесь под разными предложениями? – усмехнулся Николай Кириллович. – Хочу сказать, что я, как бывший следователь, просто должен выяснить, что же происходит.

– Только давайте без допросов, – капризно заявила Вика. – Я уже сказала и повторяю еще раз: нам с Игорем просто захотелось спрятаться подальше от цивилизации. Правда, котик?

– А я, вообще-то, заказал места еще летом, – перебил ее Сергей Леонидович Гончаров. – Не знаю, как остальные, но я приехал сюда, чтобы отдохнуть. Я не для того платил большие деньги, чтобы играть в следователей. Какая разница, кто и зачем сюда приехал.

Жена с обожанием посмотрела на него. Пасынок Саша прищурил глаза. Тоже мне, бизнесмен! Только и знает, что орать на подчиненных и давать взятки чиновникам.

– Где десерт? – воскликнул историк Сколышев. – Если здесь нет конгресса по истории древней Византии, то разрешите хотя бы насладиться этим вечером. Кто-то оплатил мне неделю проживания в этом райском местечке, и я намерен воспользоваться щедростью неизвестного. Спасибо ему!

Генрих Кузнецов обхватил виски тонкими пальцами. Страх пульсировал в его теле. Здесь должно произойти что-то ужасное и отвратительное. Никакой жены высокопоставленного кремлевского чиновника тут нет. Кто-то специально заманил его в этот кемпинг.

– *Вы, кто собрались здесь! Вы все! Это касается каждого!*

Голос шел ниоткуда. Пронзительный, резкий, похожий на удар хлыстом, он проникал в душу. Вика тихо вскрикнула, а Сколышев опрокинул бокал с вином.

– *Вы все умрете! И знаете за что. За преступления надо платить. Каждый из вас виновен в убийстве. Вы в свое время не понесли законного наказания. Вы обманули правосудие. Но вам не удастся обмануть меня. Я слежу за вами. И я покараю каждого из вас!*

Первым опомнился Николай Кириллович. Он ударил по столу кулаком так, что зазвенела посуда, и гневно произнес:

– Что это такое! Марина!

Пояркина вышла к гостям. Все взоры обратились на нее.

– Я не знаю, – произнесла она. – Честное слово, не знаю...

– Это что, такая игра? – спросила Катя Вранкевич. – Я слышала, что на Западе популярны инсценировки преступлений. Люди собираются в отеле, где якобы происходит убийство, и задача детектива выяснить, кто виновен.

– Это очень глупая шутка, – пытаюсь сохранить самообладание, произнесла Ирэн Аристарховна. – Бред какой-то. И куда я только попала!

– *Смерть уже рядом!* – Голос снова возник из небытия. Причем так неожиданно, что мадам Костандилли выронила чашку.

– Кто это делает? – произнес Игорь Никольский. – Я серьезный человек и не потерплю, чтобы надо мной шутили таким образом.

Тут в комнату вошел Василий. Заметив бледную жену, он спросил:

– А что произошло?

– *Ты будешь первым!* – голос раздался снова. Василий повертел головой, вышел в библиотеку и появился через несколько секунд с компакт-диском.

– А я думал, что это классическая музыка, – растерянно протянул он.

Полковник Енусидзе подошел к нему и вырвал диск:

– Значит, вы сознаетесь в том, что это ваша идиотская идея?

– Ни в чем я не сознаюсь! – Василий выпятил вперед бороду. – Я понятия не имел, что записано на диске. Марина, скажи!

Пояркина внимательно посмотрела на мужа и произнесла:

– Мой муж прав. Мы не имеем к этому отношения. Тот, кто оплатил ваше проживание в моем кемпинге, дал некоторые распоряжения. Например, после десерта требовалось поставить этот компакт-диск.

Василий продемонстрировал обложку: Моцарт, «Женитьба Фигаро».

– Какие еще указания поступили от таинственного мецената? – спросила Ирэн Аристарховна. И, не дожидаясь ответа, заявила визгливым голосом: – Я не собираюсь тут оставаться! Немедленно отвезите меня в город!

– Я тоже не хочу ночевать здесь, – сказал Генрих Кузнецов. – И требую, чтобы ваш шофер, – он кивнул на Василия, – доставил меня в нормальную гостиницу.

– Первыми поедем мы, – заявил Игорь Никольский. – Вика, иди собирайся. У нас мало времени.

– Это почему еще первыми будете вы? – возмутился астролог.

Никольский достал несколько бумажек по сто долларов и положил их на стол.

– Потому, – сказал он и, поднявшись, скрылся.

– А вот мы останемся, – упрямо заметил Сергей Леонидович Гончаров. – И если здесь вообще никого не останется, то будет великолепно.

Енусидзе проворчал:

– По-хорошему, в этом надо разобраться. Никого не выпускать и вытрясти из каждого правду.

– Придерживаетесь старых правил ведения допроса? – спросила Лидия Ивановна. Отставной следователь ей не нравился. Он напомнил ей того, кто пятьдесят лет назад заставил ее подписать протокол. Даже сейчас она не хотела вспоминать об этом, но перекошенное злобой лицо человека, который ударил ее папкой по лицу, не могла забыть.

– В стране должен быть порядок. Вам хоть это понятно? – Николай Кириллович сел на любимого конька. – С чего вдруг какой-то мистер Икс потратил столько денег, чтобы собрать нас всех в «Серебряной поляне»?

– И правда, зачем? – спросила Катя у Димы.

Молодой журналист сразу понравился ей, но она никак не могла отделаться от Енусидзе, который почему-то решил, что должен ее опекать.

Они находились в библиотеке, которая примыкала к столовой. Часть гостей разошлась по комнатам, кто-то остался за столом. Судя по нарастающему гулу голосов, спор грозил перейти в скандал.

– Затем, чтобы убить нас, – произнес Реутов замогильным голосом. Катя поежилась. Дима, конечно, шутил, но нервная обстановка, полутьма библиотеки и завывания ветра на улице немного пугали ее. Все страхи гнездятся в голове, ей это прекрасно известно. Но зачем кто-то пошутил столь жестоко?

– Помнишь старый роман бабки Агаты Кристи «Десять негритят»? Там под разными предложениями преступников, которых закон покарать не в силах, собрали на острове и по одному поубивали. Жуть, правда? – Диме все больше и больше нравилась Катя.

– И что, нас тоже убьют? – спросила та. – Но о себе я знаю, что никогда не была замешана в преступлении. Меня не за что наказывать, тем более таким изуверским образом.

– Точно не за что? – Реутов задал вопрос в шутку, но Катя, не выдержав его взгляда, отвела глаза. – Я тебе больше скажу. – Дима сжал ее руку и придвинулся ближе. Катя вдруг почувствовала, что его присутствие придает ей сил и уверенности. – Это все затеяла Ирэн...

– Кто?

– Ирэн. Увешанная драгоценностями, как новогодняя елка мишурой. Или юная звездочка Вика Богатырева. Ты не слышала ее первый альбом? Называется, кажется, «Забывтая любовь». Ужасная мура. Вот банкир Никольский ее и раскручивает. Создает вокруг нее шумиху.

– Мне не нужен шум вокруг моего имени, – сказал Игорь Никольский. Вика, немного поревев для картинности, теперь приводила себя в порядок перед зеркалом.

– Конечно, милый. – Вика осталась довольна своим внешним видом. – Эта история останется тайной для всех. Но ты уверен, что приткий молодой журналистик не раздует из мухи слона?

– Я позвоню его шефу и все с ним улажу. Черт, Вика, что ты сделала с моим телефоном! – Никольский уставился на крутой мобильник. – Он не работает. Его кто-то сломал.

– Дай-ка мне, – Вика нажала кнопку автонабора. Телефон не действовал. Кто-то старательно повозился с его корпусом.

– Я разорю этих мерзавцев, – рассвирепел Игорь. – Это все хозяева, слащавая жена и чертов бородатый пень.

– Игорюша, мне страшно, – пролепетала Вика. – Может, они маньяки? Я не хочу ехать в одной машине с этим Василием.

– Замолчи, – сказал бизнесмен.

Ирэн Аристарховна Костандилли первой спустилась в холл. Она была разочарована. Сегодня двадцать восьмое декабря. До Нового года всего три дня, а она застряла в глуши. Сейчас начало одиннадцатого вечера. Ничего, к полуночи она окажется в городе. Кредитные карточки у нее с собой. И первым же рейсом – в Москву. Если нет авиасообщения, то поездом. Любой ценой подальше от этого кемпинга. Она никогда не простит Анне, что та приволокла ее сюда. Или баронесса вовсе ни при чем? Ирэн совсем запуталась.

– Ничего не получится, – Василий с мрачным выражением лица подошел к Марине.

Ирэн Аристарховна встрепенулась. Рядом с ней находился астролог. Она терпеть не могла предсказателей будущего.

– Дамы и господа, – сказала Марина, – к сожалению, сегодня вы не сможете покинуть «Серебряную поляну». Погода не позволяет нам сделать это.

– Чушь, – заявил Никольский, спускавшийся с лестницы. – Снегопад сильный, но не до такой степени, чтобы ваш внедорожник застрял. Вы взяли деньги, так что будьте добры доставить нас в город.

– Это невозможно, – сказала Пояркина. – Машина сломалась.

– Врете! – произнес Кузнецов. – Она была в полном порядке еще несколько часов назад.

– Джип вывели из строя намеренно, – объяснила Марина. – Василий, покажи нашим гостям машину, пусть убедятся, что мы их не обманываем.

Поярков провел желающих отбыть из «Серебряной поляны» в просторный гараж. Никольский заглянул под капот и присвистнул.

– Восстановлению не подлежит, – зло произнес Василий. – Раскурочили аккумулятор, как теперь прикажете мне передвигаться? И это еще не все. Смотрите!

Он приподнял брезент, под которым выстроились снегоходы. Чья-то незримая рука успела и здесь превратить двигатели в груды бесполезных железяк.

– Игорь, как мы попадем домой? – плаксиво произнесла Вика. – Я не хочу здесь оставаться, мне страшно. Почему кто-то занимается такими вещами?

– Ты сможешь что-то сделать? – спросил Никольский Василия. Тот почесал затылок и с сомнением заглянул под капот еще раз.

– Постараюсь, – произнес он. – Не обещаю, что получится, но постараюсь. А вот для снегоходов у меня есть запасные двигатели.

– Давай делай, – сказал банкир. Он вынул из портмоне несколько зеленых купюр и положил их на полированный корпус снегохода. – Как только все будет готово, сообщи мне.

Генрих Кузнецов с раздражением наблюдал, как банкир покупает себе право первым уехать на волю. О том, чтобы в такую погоду добраться пешком до трассы, которая находилась в пяти километрах от кемпинга, не могло быть и речи. Поэтому, когда Никольский удалился, он подошел к Василию:

– Понимаете, мне обязательно нужно уехать отсюда. Я заплачу любую сумму. Сколько вам нужно?

– Тысяча баксов, и тогда вы первым покинете наш уютный кемпинг. Наличными. И немедленно.

Астролог отсчитал требуемую сумму. Василий, перепроверив, кивнул:

– Можете быть свободны. Думаю, к утру я почию эту колымагу, – он пнул ногой снегоход.

Кузнецов облегченно вздохнул. Ну вот, эпопея закончилась. Или почти закончилась. Рано утром, пока банкир не переманил Василия более крупной суммой, он уедет.

Оставшись один, Василий пересчитал наличность. Тысяча восемьсот долларов. Совсем неплохо. Он и не собирался чинить снегоходы. Не требовалось быть Кулибиным, чтобы понять – их восстановить невозможно. Василий не стал убеждать богатых гостей, что им придется задержаться в «Серебряной поляне» на пару дней. Если они хотят потратить впустую деньги,

которых у них предостаточно, то он к их услугам. Василий решил не ставить в известность Марину о почти двух тысячах полученных им долларов.

Пояркин прислушался к вою ветра. Он родился в этих краях. Непогода только начинает дикий хоровод. Даже будь машина на ходу, он не рискнул бы выехать за территорию кемпинга. Ни за две, ни за пять тысяч. Нет ничего ужаснее, чем сидеть в заглохшей посреди снежной пустыни машине и тщетно ждать помощи. Василий постарался отогнать ужасные воспоминания. Тот человек заслуживал такой смерти.

И все же – что значит это странное представление после ужина? Василий сообразил, что ими кто-то манипулирует. Но кто? Кто вывел из строя джип и снегоходы, кто разломал мобильный телефон банкира? Зачем?

Он услышал осторожные шаги. Пояркин обернулся. Внезапно ему стало страшно. Из глубин памяти полезли дикие истории об оборотнях. В их крае бытует множество подобных историй. Когда Марина начала здесь строительство, ей кто-то сказал, что это гиблое место. Она тогда отмахнулась от бредовых рассказов, посчитав их происками конкурентов. Василий не то чтобы верил в нечисть, но он допускал существование того, что наука и разум не в состоянии объяснить.

Гул ветра все нарастал. Похожий на белый саван снежный вихрь вился за маленькими оконцами гаража. Пояркин чертыхнулся. Худший враг человека – он сам.

Снова странный звук. Василий замер и осмотрелся. Нет, ему почудилось. Внезапно погас свет.

– Кто здесь? – срывающимся голосом произнес Пояркин.

Теперь некто, вошедший в чернеющий провал двери, не скрывал своего присутствия.

– Включите свет, вашу мать! – выругался Василий. Он нащупал тяжелый гаечный ключ. – Размажу по стенке, уроды!

Вслед за этими словами, как по волшебству, вспыхнул свет. Перед ним, склонив голову набок, замерла Лидия Ивановна Мамыкина.

– Молодой человек, вовсе не обязательно так выражаться, – произнесла она с лукавыми искорками в глазах. – У вас перебои с электроснабжением?

Василий понял, что вел себя глупо. Чертова бабка, что она здесь делает, тоже пришла предлагать ему деньги? Так у нее пенсия полторы штуки рублей, откуда доллары?

– Ну чего вам? – грубовато спросил Пояркин. – Не видите, я работаю, – он поднял руку с гаечным ключом.

– Вас ищет супруга, – произнесла Лидия Ивановна. – Какие-то проблемы с генератором. Так что, если вам несложно...

– Сейчас иду, – буркнул Василий. Он и сам видел, что лампочки горят вполне адекватно. Если это проблемы с генератором, то придется идти в подвал.

В гостиной осталось семейство Гончаровых. Глава его, казалось, не замечал ничего вокруг. Вика с Игорем заперлись в номере, астролог Кузнецов потребовал себе травяного настоя и тоже скрылся. Ирэн Аристарховна, уверенная, что завтра она окажется далеко отсюда, наложила на лицо маску из зеленой глины и, прихватив роман Джеки Коллинз, улеглась в кровать.

Марина, нервно кусая губы, сидела в своем кабинете и пыталась связаться с городом. Но гудков не было вообще. В экстренных случаях она пользовалась радиосвязью, но из-за начинающегося бурана та не работала. Пояркина отослала мужа в подвал – требовалось немедленно заняться генератором. По хитрому выражению лица Василия она поняла, что супруг что-то затекает. За пятнадцать лет она выучила все его повадки. Иногда на него находило особое настроение, тогда он поступал наперекор логике. Марина никак не могла сообразить, что же произошло с джипом и снегоходами.

Никто из гостей, как ей казалось, не мог их повредить. Но больше-то некому. Про себя она знала, что не причастна к этому акту вандализма.

Василий? Зачем ему это?

Ей не давала покоя и глупая запись на диске. Неужели это маневр конкурентов, чтобы распугать клиентуру и ослабить их кемпинг? Очень похоже. Тогда не исключено, что кто-то из гостей на самом деле – провокатор и намеренно нагнетает панику. Если это так, то Марина должна выяснить, кто именно. Она мысленно перебрала каждого из постояльцев.

Больше всего на эту роль подходил московский журналист Реутов. Пронырливый, все вынюхивает. Тут ее пронзила мысль – пока все ужинали в столовой, одна гостя находилась в номере. Татьяна Живаго. Она смутно напоминала Марине кого-то. Внезапно она вспомнила. Живаго – ведущая новостей на одном из центральных каналов. И пресса писала (а Марина читала желтую прессу), что Татьяна вышла замуж за ОЧЕНЬ богатого человека. Что ж, ей повезло.

– Мы останемся здесь, – заявил Сергей Леонидович, включая телевизор. – Почему мы должны уезжать из-за идиотской шутки? Пусть крысы первыми бегут из кемпинга. Место здесь хорошее.

Галина Егоровна Найденова закивала головой. Она была разочарована, что в «Серебряной поляне» не состоится конференция адептов здорового образа жизни, но это не меняло дела. Она тут останется. У нее не так уж много денег, чтобы в ближайшие годы позволить себе подобный отдых.

Василий Пояркин возился в подвале с генератором. Он предлагал Марине купить немецкую машину, но та не согласилась. Теперь приходится мучиться с отечественной. Ему снова почудились тихие шаги. Неужели любопытные гости забредают и в подвал? Он обернулся.

– А, это вы, – произнес он. – И что вам тут нужно? Это подсобное помещение, а не место для экскурсий.

Он повернулся к генератору. Вошедший осторожно взял тяжелый разводной ключ, лежавший за спиной у Василия. Подошел к Пояркину и ударил. Один раз, затем еще и еще. Бородатый хозяин кемпинга, даже не вскрикнув, повалился на бетонный пол. Вне всяких сомнений, трех ударов было достаточно, чтобы убить его.

Убийца тщательно вытер разводной ключ и положил его рядом с телом. Начало положено.

29 декабря

Марина немного успокоилась, когда поняла, что гости не намерены устраивать скандал. Она собрала со стола грязную посуду. Василия не было уже около двух часов. Не похоже, чтобы он занимался генератором, потому что лампочки периодически мигали. Пояркина посмотрела на часы. Начало первого. Утомленные гости разошлись по номерам. В гостиной никого не осталось.

Звонок застал ее врасплох. Марина посмотрела на входную дверь. Кто-то хочет войти. Кто это может быть? Она никого не боялась, но кемпинг находится далеко от города, буря отрезала связь с цивилизацией. Марина осторожно подошла к двери.

– Откройте, пожалуйста! – услышала Пояркина жалобный голос. – У меня заглохла машина, помогите мне, очень вас прошу!

На пороге стояла девушка в шубке. Колючий ветер ворвался в теплое помещение. Марина быстро захлопнула за незваной гостьей дверь.

– Здравствуйте, – произнесла девушка. – Я так замерзла. Как у вас тепло!

Она устремилась к камину и протянула к огню руки.

– Меня зовут Лиза, – произнесла она, с улыбкой глядя на оранжево-желтые языки пламени. – Лиза Татаренко. Моя машина попала в сугроб. Я уж думала, что замерзну в тайге, и тут, как в сказке, вижу огни вашего пансионата. У меня есть деньги, я оплачу любой номер. Вы позволите мне остаться?

– Свободных номеров нет, – произнесла Марина. – Лиза, не беспокойтесь, мы что-нибудь придумаем. Рада вас приветствовать в кемпинге «Серебряная поляна». Хотите перекусить?

– О, я просто умираю с голоду! – сказала Лиза. – Я никогда так не хотела есть, как сегодня. И никогда так не замерзала.

Марина проводила ее на просторную кухню. Епархия Василия была оснащена по последнему слову техники. Электрическая плита, блестящие сковородки, кастрюли, масса разнообразных приборов. Три огромных холодильника. Марина разогрела для Лизы остатки ужина. Девушка с жадностью набросилась на еду. Она рассказала о себе. Ей двадцать лет, она студентка медицинского института в Норильске, в Екатеринбург приехала к родственникам встречать Новый год.

– Ух, спасибо, Марина! – с искренней благодарностью произнесла Лиза. – Вы спасли меня от холодной и голодной смерти. Я так вам благодарна.

Пояркина улыбнулась. Лиза чем-то напоминала ей саму себя – двадцать лет назад. Девушка была явно из обеспеченной семьи. Наметанный глаз Марины оценил ее шубку из норки, колечко с бриллиантом, дорогие сапожки.

– От вас можно позвонить? – спросила Лиза. Узнав, что связи временно нет, расстроилась. – Обо мне будут беспокоиться. Я не зря не хотела ехать одна: вот что получилось. Как вы думаете, скоро закончится буран?

Марина знала по опыту, что непогода может продлиться и неделю, и две. Говорить об этом гостям не стоило.

– Пошли, я постелю вам в своей комнате, – сказала она Лизе. – Вам нужно отдохнуть.

Было около трех ночи, когда Марина поняла, что не видела мужа уже несколько часов. Куда он мог деться? Она спустилась в подвал. Генератор напряженно гудел. Она щелкнула рычагом выключателя. Мертвенно-желтый свет залил просторное помещение. Пояркина сразу увидела тело мужа. Он лежал в скрюченной позе на полу лицом вниз. Большая лужа крови растеклась по бетону и уже застыла бордовым озерцом. Марина с бьющимся сердцем подошла к Василию и тронула его за плечо. Тело уже остыло. Она перевернула его на спину. Остеклевшие глаза уставились в потолок. Василий был мертв.

«Никакой паники, – сразу промелькнуло в голове у Пояркиной. – Гости не должны знать о случившемся. Он упал и разбил затылок. Несчастный случай, как еще объяснить все произошедшее?» Взгляд Марины упал на тяжеленный разводной ключ, аккуратно лежащий около тела. Словно его специально кто-то оставил на видном месте. Он был весь в крови.

Марина бегом направилась к себе в комнату. Лиза уже спала, как ребенок, положив под щеку руку. Марина разбудила ее.

– Прошу вас, – произнесла она, – моему мужу стало плохо. Вы же учитесь на врача. Пойдемте в подвал, он там.

Лиза склонилась над Василием. Затем обернулась к Марине.

– Он мертв уже несколько часов, – произнесла она, кутаясь в просторный халат. – Не могу ничего утверждать, но посмотрите на раны на голове. Похоже, его ударили этой штуковиной, – она указала на разводной ключ.

– Так вы хотите сказать, – прошептала Пояркина, – что Василия убили?

– Похоже на то, – ответила Лиза. – Вам нужно как можно быстрее связаться с милицией. Это вовсе не несчастный случай. Это убийство.

Николай Кириллович Енусидзе, разбуженный настойчивым стуком в дверь, взглянул на часы. Электронное табло светилось зелеными цифрами: 3.47. Он обрадовался, увидев Марину. Растрепанная и взволнованная, хозяйка кемпинга выглядела еще моложе и симпатичнее, чем днем.

– Вы же следователь, – сказала она. – Мне требуется ваша помощь.

Без лишних разговоров Енусидзе отправился за Мариной. Что же могло произойти? Едва они оказались в подвале, как он все понял. Сколько раз он видел подобную картину на месте преступления или на фотографиях! Бородатый Василий был убит. Рядом находилась незнакомая девушка. Лиза вкратце рассказала свою историю. Николай Кириллович не стал вдаваться в подробности. Он осмотрел тело Пояркина.

– На вашего мужа напали со спины, – произнес он. – Ударили разводным ключом несколько раз. Вы ничего не трогали на месте преступления?

– Нет, – произнесла Марина. – Что нам теперь делать? Я не могу дозвониться в город, нет связи. У нас нет машины. Идти в такой буран к трассе очень опасно.

– Во-первых, никакой паники, – начальственным тоном произнес Енусидзе. – Сейчас мы покинем подвал. У вас есть от него ключ?

– Да, – прошептала Марина. – Даже два.

– Вот и хорошо. Вашему супругу уже ничем нельзя помочь. Но его тело не стоит трогать до тех пор, пока не приедет милиция. Пусть все остается на своих местах. Я запру подвал и опечатаю его. Ключи будут находиться у меня.

Марина перерыла все ящики, но найти второго ключа от подвала так и не смогла. На связке был всего один, запасной ключ всегда находился в письменном столе, но сейчас его там не оказалось.

– Это уже хуже, – произнес Енусидзе. – Некто затеял опасную игру. Теперь я понимаю, что смерть вашего мужа, угрозы, которые мы слышали за ужином, поломанный джип – звенья одной цепи.

– Вы хотите сказать, – спросила Лиза, – что убийца находится среди нас? – В ее голосе слышалось любопытство.

– Я ничего не утверждаю, – произнес отставной следователь, – но и такой вариант не исключен. Сейчас половина пятого. Будить других постояльцев не имеет смысла, это ничего не изменит. А утром, если погода не изменится и позвонить в город не получится, я возьму расследование в свои руки.

– Как классно! – воскликнула Лиза. Она выглядела как ребенок, неожиданно получивший подарок. – Произошло настоящее убийство! Прямо как в детективных романах. Я просто обожаю Дарью Донцову...

Девушка осеклась, заметив выражение лица Марины.

– Извините, – пробормотала она, – я не хотела. Мне очень жаль, что так случилось...

Марина, ничего не ответив, скрылась в ванной комнате. Запершись изнутри, Пояркина включила воду. Странное дело, но она не испытала чувства утраты, когда увидела бездыханное тело Василия. Безумная любовь давно прошла, они были просто партнерами по бизнесу, не более того. Василий великолепно готовил, разбирался в технике, отличался незлобивым характером. Марина была уверена, что за все годы совместной жизни он ни разу ей не изменил. Идеальный муж.

И все-таки она совсем не расстроилась. Больше всего Марину страшил предстоящий скандал. Скрыть убийство в «Серебряной поляне» не получится. Это слишком серьезно, даже ее знакомые в милиции не смогут спустить дело на тормозах. Если бы сейчас не буйствовала стихия, она бы отправила гостей по домам, компенсировав им расходы. А смерть Василия можно было бы представить как несчастный случай.

Марина вспомнила о том, что произошло много лет назад. Об этом знали только они с Василием. Они убили человека. Поэтому, когда бесплотный голос обвинил всех присутствующих в преступлениях, она не на шутку испугалась.

Пояркина для приличия потеряла глаза, чтобы выглядеть безутешной вдовой. Василий умер, и значит, всем кемпингом владеет только она одна.

– Ложись спать, Лиза, – сказал Енусидзе. – Давай я провожу тебя до комнаты. И не забудь запереться изнутри. Если по кемпингу разгуливает убийца, то нужно быть начеку.

– Это так захватывающе! – взвизгнула девушка. – Вы же настоящий сыщик, не так ли? Вы обязательно найдете убийцу.

Николай Кириллович налил себе немного коньяку. Он приехал сюда отдохнуть, а попал в самую гущу событий. Он сумеет показать молодым, на что способен.

Утром первой вниз спустилась Галина Егоровна Найденова. Она всегда поднималась не позже половины седьмого. Организму вреден долгий сон, нужно вставать пораньше. Завтрака еще не было. Она заметила Енусидзе, который выглядывал через стекло на улицу. Еще не рассвело.

– Встааете раньше солнца, – произнес Николай Кириллович. – Весьма похвально.

– А вот увлекаться спиртным не рекомендую, – Галина Егоровна с укоризной указала на бутылку коньяка. – А где наши хозяева, почему еще нет завтрака?

– Подождите немного, нужно, чтобы собрались все.

Общий сбор произошел около десяти. Астролог Кузнецов несколько раз спрашивал о Василии, но так и не получил ответа. Вика с тоской смотрела на белесую мглу, заслонившую солнце. Буран усилился.

– Дамы и господа, я рад, что все в полном сборе, – произнес Енусидзе. Он оглядел присутствующих. – Мариночка сейчас подаст завтрак.

– Нам обещали шведский стол, – недовольно произнес Сергей Леонидович Гончаров. – А что получается? Мы почему-то должны ждать, пока соберутся все.

– Сегодня для этого есть особые причины, – заметил Николай Кириллович. – Я должен вам сообщить: в кемпинге произошло убийство.

– Опять дурная шутка, – произнес Никольский.

– Нет, – покачал головой отставной следователь. – Чистая правда. Этой ночью в районе от нуля до двух часов был убит Василий Пояркин.

– Не может быть, – прошептала Катя.

– Не верьте ему, это идиотский розыгрыш, – подал голос Генрих Кузнецов. – Василий отвезет меня в город первым. Старик специально это говорит!

– Прекратите истерику, – спокойно заметил Виктор Антонов. За ночь он пришел в себя. – Выслушайте, что вам хотят сказать.

– Спасибо, – жестко произнес Николай Кириллович. Он больше не был весельчаком-балагуром, дамским угодником и рассказчиком анекдотов. Подтянутый и строгий, он словно олицетворял собой власть. – Тело Пояркина было обнаружено его женой в четвертом часу утра.

– Где? – спросил историк Сколышев. – Мы имеем право знать.

– В подвале кемпинга, я и не собираюсь это скрывать, – ответил Енусидзе. – Мы с Лизой... Кстати, разрешите представить вам Елизавету Павловну Татаренко, она присоединилась к нашему обществу вчера поздно вечером, так вот, мы с Лизой осмотрели тело. Елизавета – студент-медик. Василия убили несколькими ударами разводного ключа по голове.

– А это не несчастный случай? – спросил Дима Реутов. Итак, начали сбываться предсказания анонимного автора электронного сообщения. В кемпинге произошло убийство. Жаль, что жертвой стала не колоритная личность наподобие Ирэн Костандилли или известного актера Кузнецова. Тогда бы его будущая статья имела оглушительный успех.

– Какой ужас! – шумно вздохнула Ирэн Аристарховна. – Мне сразу не понравилось это заведение. Но я и подумать не могла, что здесь убивают. Я требую, чтобы меня отвезли обратно. Слышите, требую!

Енусидзе безапелляционно отрезал:

– У каждого абсолютно равные права на то, чтобы покинуть кемпинг. Сейчас это невозможно. Машина выведена из рабочего состояния, буран не позволяет уйти пешком. Мы задержимся здесь на несколько дней. Но это время нужно потратить с умом. У нас есть уникальный шанс самим найти убийцу.

– Он прячется где-то в доме, – заявила Галина Егоровна. – Нужно все обыскать, и тогда станет ясно, кто этот негодяй.

– А вы не рассматриваете такой вариант, что убийца один из нас? – сказал Дима. Кажется, он уже представляет, какую сенсационную статью напишет, когда окажется в Москве. Он замешан в настоящем убийстве. Енусидзе прав – нужно обязательно найти убийцу. Эта статья станет его звездным часом.

– Как среди нас? – произнесла Ольга Евгеньевна Гончарова. – Этого не может быть. Никто из присутствующих не способен на убийство.

– Не нужно так категорично утверждать, – сказал Енусидзе. – Я много лет проработал следователем и знаю, что на убийство, в принципе, способен любой человек. Если он окажется в особых обстоятельствах. Дмитрий прав, мы не должны забывать, что в первую очередь подозреваемыми становимся мы все. Без исключения.

Гости ничего не возразили. Ирэн Аристарховна тщательно размешивала сахар в чашке, стараясь ни на кого не глядеть. Татьяна Живаго, отрешенная от происходящего, думала об умирающем в Москве муже. Петр Сергеевич Сколышев со злобной улыбкой уставился на Лизу. Катя Вранкевич напряженно вглядывалась в лица собравшихся. Денис Куликов взял Настю за руку, по ее бледному лицу было заметно, что она очень переживает. – И чтобы выяснить, кто убийца, мы должны провести расследование. Каждый из вас должен сообщить мне, где он находился в период с двенадцати до двух часов ночи.

– Это просто смешно, – сказал Никольский. – Кто дал вам право заниматься самоуправством? Если кого и убили, так это меня не касается. Я не собираюсь ни перед кем отчитываться в собственных действиях.

– Тогда придется решить это в коллективном порядке, – прервал его Енусидзе. – Предлагаю проголосовать за то, чтобы начать расследование. Или вы предпочитаете сидеть сложа руки и ждать помощи? Учтите, буря может продлиться неделю. А то и больше.

– Как неделю! Я не могу оставаться здесь целую неделю, да еще по соседству с трупом! – воскликнула Ирэн Аристарховна.

– Не бойтесь, трупы не кусаются, – сказала Лидия Ивановна. – Но, уважаемый господин следователь, вы ведь тоже один из потенциальных подозреваемых. Как вы можете вести расследование?

Енусидзе усмехнулся. Старуха ему не нравилась. От нее шла непонятная ему волна скрытой агрессии. Похоже, бабка «сидела». Вот и ненавидит теперь представителей правоохранительных органов.

– Убийцей может оказаться каждый из присутствующих. В том числе и я. Но это не освобождает нас от необходимости узнать, кто это сделал. Или у кого-то иное мнение?

Все промолчали, а молчание, как известно, знак согласия. Полковник потер руки.

– Мне потребуются помощники. Единственный, кто обладает медицинскими познаниями, – это Елизавета. А Екатерина специализируется по психологии.

Дима Реутов переглянулся с Лидией Ивановной. У них мелькнули похожие мысли – Енусидзе отобрал в помощницы двух симпатичных девушек.

– Они не возражают, я думаю, – продолжал Николай Кириллович. – Вот и хорошо. Но чтобы исключить версию о том, что убийца пришлый и притаился где-то в доме, требуется проверить все помещения. Марина, просветите нас, сколько всего комнат в кемпинге?

Пояркина, выглядевшая после бессонной ночи на редкость свежо, произнесла:

– Четырнадцать жилых помещений, плюс подсобные... Бассейн, спортивный зал, гараж. Кроме них, еще сауна. Я вас уверяю, что здесь никто не мог спрятаться.

– Мы проверим, – резюмировал Енусидзе. – Какие будут предложения?

– Надо разбиться по группам и прочесать вдоль и поперек все здание, – сказал Сколышев. – Причем нельзя, чтобы вместе оказались, например, муж и жена.

– Это еще почему? – спросил Денис Куликов. – Или вы считаете, что мы с женой приехали сюда, чтобы убивать?

– Никто никого не обвиняет, – спокойным тоном произнесла Лиза. – Я, например, в момент совершения убийства вообще находилась вне этого здания. Но теперь под подозрением наравне со всеми.

– В здании три этажа, – сказал Енусидзе. – Я не думаю, что потребуется участие всех присутствующих. Кто-нибудь добровольно хочет принять участие в осмотре?

В итоге было решено, что подсобные помещения осматривают Никольский, Денис Куликов и Лидия Ивановна Мамыкина. Первым этажом поручили заняться Енусидзе, Найденовой и Гончарову. Наверх, где располагались комнаты гостей, постановили отправить Сколышева, Диму Реутова и Виктора Антонова. Остальных в момент обыска попросили не покидать гостиную. Чтобы снять напряжение, Марина принесла кофе и легкие закуски. Впрочем, никто к ним не притронулся.

– Я думаю, что это провернула жена убитого, – громогласно заявила Ирэн Аристарховна. – Кому еще нужно убивать ее несчастного мужа? Мне, вам или кому-то другому из гостей? Она прожила с ним много лет, у них были свои трения. Смерть Василия выгодна только ей.

– Тише вы, – велела Катя Вранкевич. – Она же совсем рядом.

– И пусть слышит, – прошипела мадам Костандилли. – Я точно знаю, что никого не убивала. До половины первого я читала книгу, потом легла спать.

– Я тоже считаю, что смерть Василия выгодна его жене, – включилась в разговор Вика. – Я видела этого бородача всего несколько раз, даже толком с ним не говорила. Зачем мне его убивать?

Настя Куликова, запинаясь, произнесла:

– Мне страшно. Я хочу уехать отсюда как можно быстрее.

– Не вы одна, милочка, – усмехнулась Ирэн Аристарховна, – поверьте мне, каждый из нас с удовольствием отдал бы все свои деньги, чтобы выбраться из этого кемпинга. Как долго продлится буря? – спросила она у вошедшей Марины.

Та ничего не ответила.

– Я, кажется, к вам обращаюсь, дорогуша, – повторила Ирэн Аристарховна. Марина великолепно слышала, что ее обвинили в убийстве Василия. Собравшись, она ответила мадам Костандилли самой сладкой улыбкой:

– Я не знаю. Термометр показывает минус тридцать. Не думаю, что метель прекратится в ближайшие несколько дней. Кто-нибудь еще желает кофе?

Настя подошла к Марине и обняла ее за плечи:

– Я понимаю, как вам сейчас тяжело. Поверьте, я на вашей стороне. Все будет хорошо.

– А вот это вряд ли, – произнес молчавший до сих пор Саша Гончаров. О подростке в суматохе, вызванной известием об убийстве Пояркина, совсем забыли.

– Что ты хочешь этим сказать, мальчик? – спросила Вика.

Подросток покачал головой и выбежал из столовой.

– Отвратительно воспитанный ребенок, – заявила Ирэн Аристарховна. – И куда только родители смотрят.

– Не вам об этом судить, – подала голос Ольга Евгеньевна, мать Саши.

Костандилли с неприязнью оглядела всех присутствующих.

– Я не собираюсь никого учить жить. Но учтите, если ребенку во всем потакать, то в итоге он сядет на шею родителям. Пойду отдохну. – Ирэн Аристарховна поднялась из-за стола.

– Здесь никого нет. – Игорь Никольский прикрыл тяжелую дверь, ведущую в подвал. Вместе с Денисом и Лидией Ивановной они осмотрели все закоулки подземелья, раскинувшегося под кемпингом.

– Точнее, молодой человек, мы никого не обнаружили, – сказала Лидия Ивановна. – А это не одно и то же.

– Вы думаете, кто-то скрывается в кемпинге? – поинтересовался Денис.

– Нет, я так не думаю. – Старушка, несмотря на свой почтенный возраст, производила впечатление полного сил и энергии человека. – Мне довелось много повидать в жизни, и, поверьте, уважаемый полковник, который так лихо взял бразды правления в свои руки, прав. Каждый из нас способен на убийство. Я не думаю, что таинственный убийца скрывается в кемпинге.

– Значит, он один из нас, – жестко произнес банкир. – Я уже давно понял, что этот некто специально заманил нас сюда. Дурочка Вика, девица, с которой я приехал, польстилась на глупейшие обещания. Якобы звукозаписывающая фирма из Америки заинтересовалась ее талантом и предлагает ей встретиться со своими представителями в «Серебряной поляне» для обсуждения деталей контракта. Если бы кто-то обратился ко мне с подобной просьбой, я бы просто рассмеялся ему в лицо. Такие сделки заключаются совсем по-другому.

– А если убийца один из нас, – сказал Денис, – то кто именно? Я точно знаю, что ни моя жена, ни я не убивали. Сами посудите, этот Василий нам не сват и не брат, я увидел его первый раз в жизни, когда он встречал меня с Настей на вокзале.

Николай Кириллович Енусидзе раскрыл дверь погреба и щелкнул выключателем. Слава богу, запасов еды хватит надолго.

– Никого нет. – Галина Егоровна никому не доверяла, поэтому перепроверяла каждое из помещений.

До сих пор Гончаров вообще не разговаривал с соплеменниками, так он окрестил тех, кто оказался вместе с ним заложником стихии в «Серебряной поляне».

– Подождите, – вдруг произнес он. – Вы все осматриваете очень поверхностно. Нужно это делать тщательнее.

– Вы что, считаете, что убийца притаился за банками с солеными огурцами? – рассмеялся Енусидзе. – Говорю вам, здесь никого нет.

– Чтобы это выяснить, нужно закончить осмотр всего дома, – упрямо гнул свое Гончаров. Галина Егоровна поддержала его. Енусидзе не стал возражать.

– Как хотите, – произнес он. – Но мы все равно ничего не найдем.

– Вы уверены? – спросил Гончаров, открывая дверь, ведущую в мини-прачечную. – Или вы уже знаете, что убийца – один из гостей? Николай Кириллович, может, подскажите, кто именно?

Отставной следователь обернулся к Гончарову.

– Не советую вам так со мной разговаривать, – произнес он, прищулив глаза. – Когда сюда придет милиция, а это рано или поздно случится, я доложу обо всем. В том числе и о своих подозрениях.

– Ради бога, – заявил Гончаров. – Не думайте, что, если вы служили в органах, это дает вам право распоряжаться и командовать. Мы все в одинаковом положении.

Дима Реутов с любопытством заглянул в комнату Кати Вранкевич. Вещей было не так много. Под кроватью никого. Он усмехнулся. Хозяйка предпочитает не пылесосить под кроватями. Но это и хорошо. Надумай кто-нибудь здесь притаиться, непременно чихнул бы. Да и слой пыли не тронут.

Виктор Антонов постучал в комнату к Ирэн Аристарховне.

– Я не собираюсь никого пускать к себе, – сказала та. – Уверю вас, у меня никого нет. Ни в шкафу, ни в чемоданах.

– Осмотр не будет завершен, пока мы не проверим ее комнату. – Сколышев спустился вниз и вернулся с ключом. – Марина сказала, что этот от номера Костандилли.

– И вы ворветесь к ней без стука? – спросил Реутов. – Тогда я лучше отойду. Она женщина массивная, если захочет, может и покалечить.

Петр Сергеевич хмыкнул и распахнул дверь. Ирэн Аристарховна с черной кружевной косынкой на глазах лежала на кровати. Услышав шум, она приподнялась и сняла повязку.

– Как вы посмели! – закричала она. – Вы ворвались в мою комнату. – Она схватила с тумбочки книжку и запустила ею в Сколышева. Историк ловко увернулся от романа Джеки Коллинз, который норовил попасть ему в лоб, распахнул дверь в ванную, заглянул под кровать и в платяной шкаф.

– Вы хам, мерзавец, я вас по судам затаскаю! – Цвет лица Ирэн Аристарховны сравнялся с нежно-сиреневым неглиже, которое обволакивало ее царственное тело.

– Не кипятитесь. – Сколышев подошел к двери. – Теперь я спокоен. У вас никого нет. Можете продолжать свой сон.

– Какой вывод я могу сделать? – скептическим тоном произнес Енусидзе полчаса спустя. Он знал, что в кемпинге посторонних не обнаружили. – Раз здесь никого нет, значит, в смерти Пояркина виновен один из нас.

– Это давно ясно, – поддержала его Лидия Ивановна.

– И чтобы изобличить убийцу, я попрошу каждого из присутствующих побывать в библиотеке и рассказать мне о том, что он делал ночью.

– Вы считаете, что это поможет? – Никольский с сомнением покачал головой. – Лучше давайте подумаем, как выбраться отсюда в город. Дело милиции искать преступника. Мы с Викой невиновны. Правда, Викуля? Ты ведь подтвердишь, что мы всю ночь были вместе?

– Конечно, Игорек, – ответила та. – Никто из нас не покидал номера. Могу это подтвердить.

– Вот и прекрасно, – заметил Енусидзе. – Значит, двумя подозреваемыми меньше. Катя и Лиза, – обратился он к девушкам, – не забывайте, вы мои помощницы. Будете записывать показания. Итак, кто желает быть первым?

– Мне скрывать нечего, – вызвалась Лидия Ивановна. – Так что разрешите мне, как самой пожилой, первой рассказать о том, что я делала ночью.

Стараясь не замечать в ее словах сарказма, Енусидзе приветливым жестом пригласил Лидию Ивановну пройти в библиотеку.

Марина Пояркина на кухне готовила обед. Ее муж убит, кемпинг отрезан от остального мира, гости развлекаются тем, что ищут убийцу. Это, однако, никак не отменяет ее обязанности накормить всех присутствующих вовремя. Она пожалела, что Василия нет рядом. Он был великолепным поваром. Теперь ей придется взять все на себя.

Она помешала булькающий суп. Хорошо готовить она так и не научилась. Но гости должны что-то есть.

Просторная кухня, которая всегда была предметом ее гордости, теперь страшила Марину. Она обернулась. Нет, никто не стоял за ее спиной с разводным ключом. Девушка, машина которой застряла около кемпинга, сказала, что на Василия напали со спины. Как ужасно! Он не успел даже увидеть, кто его убивает.

Марина помешала жарящийся лук. Василия нет. Она все никак не могла поверить в смерть мужа. Его тело лежит в подвале. И кто же это сделал?

Кто-то из гостей, она была уверена. Она слышала, как Ирэн Аристарховна обвинила ее в убийстве, а молодая певичка поддержала ее. Дура! Если бы она и захотела убить Васю, то не в присутствии полутора десятков постояльцев. Скандал теперь разразится необыкновенный. А для ее бизнеса скандал – это самое страшное. Марина не знала, что дальше будет с кемпингом. Вряд ли кто-то захочет отдохнуть в той же гостинице, где произошло убийство. Местные чиновники забудут о «Серебряной поляне».

Отбивные шкворчали. Марина попыталась отодрать их от сковородки – прижарились намертво.

Мысли неизменно возвращались к странному обвинению, прозвучавшему с диска. Неужели Василия убили за то... за то, что они когда-то вместе совершили?

Перед ней сидят три человека. Две миловидные молодые женщины и один пожилой мужчина. Лидия Ивановна вспомнила картинку более чем пятидесятилетней давности. Тогда она тоже предстала перед тремя судьями. Нет, это было слишком давно.

– Лидия Ивановна, не волнуйтесь, пожалуйста, – Катя попыталась успокоить старушку. – Мы только зададим вам несколько вопросов. А лучше сами все расскажите.

– Со мной все в порядке, – Мамыкина говорила чистую правду. – Вчера после ужина, во время которого неизвестный обвинил нас в преступлениях, я поднялась к себе и со спокойной совестью заснула. Мне нечего к этому добавить. Видите ли, – она усмехнулась, – я уже давно вышла из того возраста, когда может найтись свидетель, который подтвердит, что провел ночь вместе со мной.

Лиза хихикнула. Старушка оказалась с чувством юмора. Николай Кириллович не любил, когда смеялись над шутками, которые принадлежали не ему.

– Хорошо, а что вы скажете по поводу предъявленного обвинения? Вы виновны в убийстве?

Лидия Ивановна замолчала. Прошло несколько секунд. Ее взгляд стал жестким, глаза превратились в две льдинки.

– А вы? – вопросом на вопрос ответила она. – Вы, уважаемый товарищ следователь? Я думаю, за время вашей работы вы отправили немало людей и в тюрьму, и в камеру смертников. Вы всегда были уверены, что они виновны?

– Всегда, – слишком быстро ответил Енусидзе. – Я служил и продолжаю служить закону. Думаете, что задача следователя обязательно посадить человека? Я уверен во всех приговорах, которые были вынесены по расследованным мною делам.

Он лгал. Полковник прекрасно знал, что далеко не по всем делам были осуждены виновные. От него требовали быстрого раскрытия громких преступлений. Часто звонил прокурор и предлагал пересмотреть его позицию. Николай Кириллович думал о карьере, о семье, которая годами жила в коммуналке, о дочери-троечнице, мечтавшей о хорошем вузе. И разве стал бы он полковником, если бы проявлял строптивость? Вряд ли. В любом случае люди, которые оказывались перед ним, не вызывали жалости. Воры, убийцы, спекулянты, насильники, фарцовщики, растлители малолетних. Каждый из них получил по заслугам.

Один случай стоял особняком. Тогда Енусидзе отправил на смерть невиновного. Николай Кириллович старался не вспоминать об этом.

– Да, мне пришлось совершить убийство, – произнесла Лидия Ивановна. – И я не собираюсь это скрывать. Человек, которого я убила, заслуживал такой участи, уж поверьте мне. Больше я вам ничего не скажу. Вы можете сообщить о моем заявлении компетентным органам, пусть принимают меры. Мне почти восемьдесят три года. Убийство я совершила в шестьдесят первом. Кто поверит старухе вроде меня? Никаких доказательств, как вы понимаете, не осталось.

– Лидия Ивановна, – медленно произнесла Лиза Татаренко, – вы не сожалеете о том, что совершили?

– Деточка, – Мамыкина снова превратилась в милую старушку, – я сделала это с превеликим удовольствием.

Лида Мамыкина, тридцатилетняя женщина, радовалась наступившей весне. Отступили холода, зацветали яблони. Городок Нерьяновск, раскинувшийся недалеко от Рязани, удивительно похорошел. Грязные сугробы исчезли, по улицам, позвякивая, громыхали трамваи. Стоял май 1949 года.

– Мамочка! – Четырехлетняя дочка Лиды, конопатенькая девчушка, которой восхищался весь двор, ворвалась в комнату. – Мамочка, а Петя – враг народа!

Лида сделала потише радио, по которому целый день передавали одно и то же – громогласные новости об успехах советских рабочих, новых указах и разоблачении очередных наймитов Запада. Лида была неглупой женщиной. Она не могла поверить, что соседи, сослуживцы или руководители страны, которых вчера все почитали и превозносили, вдруг оказались предателями и шпионами.

– Почему ты так решила, Лидочка? – Дочку называли в честь мамы. – Кто тебе это сказал? Девочка улыбнулась и важно произнесла:

– Его родителей арестовали. Они плохие. Они хотели убить товарища Сталина.

– Тише, – произнесла Мамыкина и закрыла окно. Во дворе суежилась ребятня, старики играли в домино или читали советскую прессу. Где-то вдалеке играл патефон, звучала бравурная, жизнерадостная мелодия.

Соседки по общежитию уже сообщили Лиде, что Кобозевых взяли ночью. К ним приехало несколько машин, был обыск. Родителей и бабушку забрали, комнату опечатали, а шестилетний Петя, их сын, остался один на улице, как выброшенная собачка. Ему никто ничего не объяснил. Лида видела, как соседи, еще накануне угощавшие Петю пирожками или трепавшие по голове, теперь отворачивались. Двоюродная сестра Кобозевых обещала забрать ребенка. Она, похожая на тень, появилась во дворе, собрала последние сплетни и скрылась, не забрав с собой племянника. Лида украдкой дала мальчику стакан молока и булку. Во дворе было слишком много любопытных глаз и ушей.

– Нам сказали, что его теперь отправят в детдом, – с непонятной радостью сообщила Лидочка. – Он плохой, мама, я его боюсь.

– Он не плохой, дочка. – Мамыкина прижала к себе Лидочку. Как она могла объяснить четырехлетнему ребенку, что Кобозевы ни в чем не виноваты?! Лида уже давно не верила официальной пропаганде. Ее муж-инженер, наоборот, считал Иосифа Виссарионовича гением всех времен и народов. Лида никогда не перечила мужу. Она знала, что раньше сажали за любое неосторожное слово. Теперь брали, даже если ничего не было сказано. Ходили темные слухи о том, что по разнарядке сверху спускают циркуляры, где указано количество людей, которых нужно арестовать. Лида понимала, что изменить существующее положение дел никто, а тем более она не в состоянии. В декабре 49-го товарищу Сталину исполнится семьдесят. Колхозники рапортовали о небывалом урожае, шахтеры выдавали уголь на-гора, в десятки раз перевыполняя норму, а доблестные органы обещали окончательно избавить общество от ренегатов и врагов народа.

– Лидочка, дочка, – Мамыкина поцеловала девочку, – старайся никому не говорить о Пете. Он несчастный мальчик.

– Хорошо, – сказала Лидочка. Она всегда слушалась маму. – Можно, я пойду на улицу?

– Иди, – отпустила ее Лида. Она в задумчивости посмотрела на девочку, которая через минуту присоединилась к ватаге ребятишек, игравших во дворе.

Скоро с работы вернулся муж. Семен отличился на фронте, куда ушел добровольцем, хотя у него была возможность работать в тылу. Дошел до Праги, где и встретил весть о победе. После войны получил назначение в Нерьяновск. Старинный городок, раньше славившийся вишневым вареньем и двумя неопишущей красоты церквями, по распоряжению партии и правительства должен был превратиться в стратегический центр. В Нерьяновске основали несколько заводов, в секретном цехе одного из которых и работал Семен Мамыкин.

– Почему молчит радио? – Муж всегда требовал, чтобы радио работало на полную мощность. Лида покорно включила черную коробку. Полилась речь министра тяжелой промышленности, который рапортовал товарищу Сталину и всему советскому народу о чрезвычайных успехах сталеваров.

– Сегодня арестовали Кобозевых, – произнес, попробовав борщ, Семен. – И поделом. Что про них говорить, одно слово – евреи.

– Сеня, какие же они евреи? – попыталась возразить Лида. – И в чем виноват их сын? Его вышвырнули на улицу. Представь, что такое случится с нашей дочерью.

– С нашей дочерью такое никогда не случится, – Семен был неумолим. – И правильно их арестовали. Говорят, Кобозев в больнице травил пациентов. После великой победы враги нашей страны хотят уничтожить завоевания Октября.

Лида отвернулась. Она не могла слушать постоянные разглагольствования Семена. Она любила мужа, но изменить его была не в силах. Она не собирается возражать ему. Кобозевы, как тысячи других, бесследно исчезли. Через два дня о них никто и не вспомнит, в комнату введут новые жильцы, о них все забудут.

Вечером, уложив дочь спать и оставив мужа в одиночестве корпеть над чертежами, Лида вышла во двор. Теплый ветерок ласкал лицо, начинало темнеть, в небе загорались далекие

звезды. Вдруг Мамыкина заметила сгорбленную фигурку около стены. Подойдя, она поняла, что это сын арестованных Кобозевых Петя.

– Тетя Лида, – прошептал он, узнав ее, – дайте мне, пожалуйста, попить.

– А где твоя тетка? – дрогнувшим голосом задала вопрос Лида. Она не могла смотреть на страдающего ребенка.

– Она обещала, что придет за мной, и не пришла. Наверное, испугалась. Я ее не виню. Она хорошая женщина, сейчас такое время.

Потрясенная Лида погладила мальчика по голове. Ему всего шесть, а он уже узнал самые страшные тяготы жизни.

– Подожди здесь, – произнесла Лида. Она вернулась домой и тайком от Семена, который целиком погрузился в работу, принесла Пете оставшиеся с ужина котлеты. Мальчик с жадностью набросился на еду. Лида размышляла. Его должны забрать в особый детский дом, который населяли отверженные дети врагов народа. О том, что там творится, она не хотела и думать. То ли о нем забыли, то ли власти не торопились, но пока Петя оставался беспризорником. Сразу после войны Лида видела множество оборвышей, которые бродили по улицам. Затем они исчезли, а власть, как обычно, доложила о моментальном решении проблемы беспризорщины.

– Спасибо, – произнес мальчик. – А теперь вам нужно идти. Если увидят, что вы меня кормите, у вас будут неприятности.

– Куда ты пойдешь? – спросила его Мамыкина. Петя отвернулся и заплакал.

Лида прижала плачущего ребенка к груди и попыталась его успокоить. Но чем она могла помочь мальчику, который в шесть лет лишился всего? Не думая о последствиях, она сказала:

– Пошли к нам.

Увидев сына арестованных Кобозевых, Семен побагровел. Лида молча посадила мальчика за стол и налила ему тарелку супа. Муж схватил Лиду за руку и вытащил в общий коридор. Оглянувшись и убедившись, что их никто не слышит, он произнес яростным шепотом:

– Ты что делаешь, идиотка, зачем притащила к нам в комнату ребенка врагов народа?

– Вот именно, что ребенка, – упрямо заявила Лида. – Он ни в чем не виноват. Сын за отца не отвечает. – Она вырвала руку. Семен тяжело дышал, размышляя.

– Тебя никто не видел? – спросил он, немного подумав. – Ни одна душа не должна знать, что он ночевал у нас. Рано утром отправишь его обратно. Запомни, я не зверь, Лида, но и ты должна понять, что он представляет для нас опасность.

Мамыкина вернулась в комнату. Петя, утомленный переживаниями страшного дня, спал в кресле. Очаровательный малыш – и враг народа. Лида подхватила его и положила на кровать. Петя, сонный, перевернулся на бок. Она заботливо укрыла его пледом.

До самого утра Лидия просидела вместе с мужем. Семен работал над срочным заказом. Он пытался сосредоточиться, но у него ничего не выходило. Он портил лист за листом, пока наконец не повернулся к жене:

– Лидия, пора. Уведи ребенка. Все равно помочь ему мы не в состоянии. Ты это прекрасно знаешь. Не вовлекай и нашу семью в эту трагедию.

Часы показывали начало пятого. Первые лучи раннего восхода алели на горизонте. Следовало торопиться. Многие из соседей поднимались на заре, чтобы отправиться на работу. Лида разбудила Петю. Мальчик покорно выпил чаю, Лида завернула ему несколько пирожков и яблок.

– Твоя тетя за тобой не придет, – сказала она. – Но у тебя есть бабушка. Ты знаешь, как к ней доехать?

– Да, – произнес Петя. – Тетя Лида, спасибо вам за все. Скажите, а маму отпустят?

– Конечно, – фальшиво-бодрым голосом заверила его Лида. – Нужно немного подождать. Это какая-то ошибка, ее отпустят. Но тебе нужно ехать к бабушке. Я дам денег на дорогу, возьми, – она протянула Пете несколько купюр.

Крадучись, чтобы их не заметили соседи, они прошли по общему коридору и через двор. Лида ощущала жар Петиной ручонки, которой мальчик впился в ее ладонь. Мамыкина понимала, что поступает подло, но Семен прав. Она не может оставить ребенка у себя.

До вокзала было рукой подать. Несмотря на раннее утро, там уже толпились люди, ожидавшие электричку на Москву. Лида купила Пете билет. Сосредоточенный и не по годам взрослый, мальчик отрешенно стоял на перроне. За всю дорогу до вокзала он не проронил ни слова, только теснее прижимался к Лиде. Мамыкина старалась не смотреть на него.

– Лидушка, а ты что здесь делаешь? – услышала Мамыкина знакомый голос. Она резко обернулась. Перед ней стояла соседка по общежитию, Ниночка. Она работала буфетчицей на вокзале. – Едешь с дочкой в Москву?

Соседка присмотрелась, и на ее хитроватом лице проступило лисье любопытство.

– А кто это с тобой? – приторным голоском произнесла она. – Никак сын Кобозевых? Петюша, это ведь ты, маленький мой?

Лида попыталась заслонить ребенка от Ниночки, но та проворно подошла к мальчику.

– Бедный мой, бедный. Папу и маму арестовали. И куда это ты едешь, Лидочка? Помогашь Петюше? Он хороший мальчик, возьми булочку, – и она протянула ему булку с маком.

Загрохотал подходящий к станции поезд. Ниночка ахнула:

– Так Петюша едет в Москву! Наверное, к бабушке. Конечно, конечно, ему сейчас так тяжело. Мамы и папы нет...

Ниночка потрепала ребенка по голове. Лида поцеловала мальчика. В глазах Пети застыли слезы. Мамыкина вдруг кинулась к кассе.

– Билет до Москвы, – выдохнула она. – Быстрее, пожалуйста, быстрее.

Слава богу, было воскресенье.

Лида успела вскочить в уже отходящий от станции поезд. Она не могла отправить ребенка одного в огромный город. Буфетчица Ниночка, склонив на бок голову с перманентом, смотрела им вслед с легкой улыбкой и махала рукой.

Разыскать в Москве бабушку было делом сложным. Она жила на самой окраине, в двухэтажном кирпичном доме, построенном сразу после войны. Крепкая, моложавая женщина, совсем не похожая на старуху, приняла удар судьбы стойко.

– Я так и знала, – произнесла она, прижав к себе плачущего Петю. – Мою дочь и ее мужа должны были рано или поздно арестовать. Не плачь, маленький. Ты останешься у меня.

Узнав, что тетка Пети отказалась от мальчика, она только вздохнула:

– Подлецы всегда остаются подлецами, особенно в наше время. Я ее не виню. У нее тоже есть дети. Спасибо тебе, Лида, за то, что приютила моего внука. Бог это не забудет.

Она перекрестила Мамыкину и поцеловала ее в лоб. Лида попрощалась с Петей. На пороге она обернулась. Мальчик, утирая кулачками слезы, прижался к бабке. Больше их Лида никогда не видела.

Дома она оказалась к вечеру. Муж ни о чем ее не спрашивал, дочка даже и не знала, что Петя ночевал у них. Лида, сильно уставшая за день, прилегла отдохнуть. Так и заснула. Ее разбудил громкий шум в общем коридоре и гул голосов. Затем раздались удары в дверь.

Семен чертыхнулся и пошел открывать.

– Лидочка, это я, – раздалось из-за двери, – Нина, соседка. С моим ребеночком плохо, открой, пожалуйста.

Семен, не подозревая ничего плохого, распахнул дверь. В комнату ввалились люди в форме и в штатском. Мамыкин, одетый в одно исподнее, задрожал. Он прекрасно понял, что означает такой полуночный визит. Вслед за непрошеными гостями появилась буфетчица Ниночка. Еще несколько соседей заглядывали в комнату. В их глазах читались одновременно страх и торжество.

Невысокий мужчина во френче без знаков отличия произнес неприятным голосом:

– У нас есть постановление прокурора на обыск. Приступайте, – коротко отдал он приказание подручным.

Семен попытался что-то сказать, но его никто не слушал. Он так и замер посреди комнаты. Лида прижала к себе дочку. Девочку вытащили из кровати. Молодой лейтенант сбросил на пол простыню, подушку и матрас, наступил на них блестящим сапогом.

– Где скрываете секретные документы, которые намереваетесь передать врагам народа? – крикнул Семену человек во френче.

Мамыкин залепетал, что у него нет секретных документов и он не общается с врагами народа.

– Ваша жена общается, – отрезал один из военных. Он внимательно рассматривал бумаги на столе. – Вы пытаетесь нас обмануть, вот они, секретные чертежи. Вы тайно вынесли их с завода, на котором работаете.

Ниночка ахнула. Кудряшки на ее голове затряслись от негодования. Она и сосед-инвалид являлись понятыми.

– Это никакие не секретные бумаги, – задыхаясь, произнес Семен. – У меня есть разрешение на их вынос с завода, я работаю с ними дома, я ведущий инженер...

– Знаем мы, как вы работаете! – прокричал человек-френч. – Понятые, видели? Заносим в протокол: обнаружены секретные документы, представляющие стратегическую ценность для противника. Мамыкин хранил их дома с целью передачи вражеским разведкам.

Обыск длился пять часов. Давно рассвело, когда Мамыкиным объявили, что они арестованы. За эти несколько часов Семен состарился на двадцать лет. Он ни на кого не глядел, уже не сопротивлялся, только бормотал, что никогда не изменял Родине и хочет обратиться к товарищу Сталину.

– Обратишься, обратишься, – заверил его военный. – У нас каждый враг народа имеет право на обращение к вождю. Уведите арестованного.

Враг народа! Семен Мамыкин – враг народа! Весть молниеносно распространилась по общежитию. Когда Семена, наспех одетого, с узелком в руках, вели по коридору, из щелей приоткрытых дверей на него смотрели глаза жильцов. Сочувственные, негодующие, безразличные. Некоторые двери были наглухо захлопнуты, но чувствовалось, что обитатели прильнули к замочным скважинам. Трясущегося Семена затолкали в черную машину с решетками на окнах. Лида беспрестанно гладила по голове дочку. Потрясенная девочка молчала, это больше всего пугало Мамыкину. Комната была перевернута вверх дном. Производившие обыск забрали с собой документы.

– Женщину тоже взять, – коротко распорядился человек во френче и вышел. К Лиде подошли два молодых лейтенанта.

– Ну что, тетя, сама пойдешь или придется тебя вести? – с наглой улыбкой произнес один из них. – Давай, давай, топай.

– Доченька, – произнесла Лидия, – что будет с тобой? – Она обняла дочку.

– А что обычно бывает с детьми врагов народа? Раньше нужно было думать, до того, как пакостить Советской стране.

– Она укрывала у себя врагов народа! – заголосила буфетчица Ниночка. – Я сама видела! Она в Москву ездила с ребенком арестованных Кобозевых, чтобы встретиться там с вражескими агентами. Муж с завода таскал секретные чертежи, а жена переправляла их шпионам.

Лида закрыла глаза. Неужели все это происходит с ней? Или это дурной сон, который закончится через несколько мгновений? Грубые мужские руки схватили ее и потащили к выходу. Лида ударила одного из лейтенантов и, вырвавшись, подбежала к дочери. Девочка, сжавшись в комок, сидела на полу и молча плакала.

– Доченька, я тебя люблю, – только и успела произнести Мамыкина. Поцеловать дочь она не успела. Взмешенный лейтенант, потирая красную от удара щеку, толкнул Лидию в спину. Она упала. Он пихнул ее сапогом и схватил за плечо.

– Ах ты, дрянь, – просипел он. – Сопротивляешься при аресте, мразь! Пошла вниз. Живо! Лидию, в одном легком летнем платье, без вещей, вывели вниз. Машина, в которую затолкали Семена, уже исчезла. Лейтенант приоткрыл дверь черного автомобиля с занавесками на окнах. Лида напрасно искала глазами дочку. Ее нигде не было.

– Руки за спину! – прорычал лейтенант. На запястьях защелкнулись тугие наручники. Мамыкину посадили на заднее сиденье автомобиля. По бокам уселись два лейтенанта.

На переднее сиденье бухнулся пожилой майор.

– Трогай, – скомандовал он водителю. Машина рванула с места. Лида в скрюченной неудобной позе замерла между двумя мужиками в форме. Лейтенант, которого она ударила, достал портсигар, вытащил сигарету и закурил. Он намеренно пускал дым в лицо Лидии. Мамыкина, низко опустив голову, терпела. Это был не кошмарный сон. Это была неумолимая явь.

– Товарищ майор, – произнес лейтенант, – эта мерзавка попыталась меня убить. Напала при исполнении.

– Суд это учтет, – скрипучим голосом отозвался пожилой майор. – Им с мужем светит на полную катушку.

Поездка длилась совсем недолго. Всему городу было известно, что арестованных свозят в здание Управления государственной безопасности, расположенное рядом с нерьяновской тюрьмой. Мрачное заведение темной громадой возвышалось в самом центре городка. Мимо него всегда проходили быстрым шагом, стараясь лишний раз не смотреть на колючую проволоку, вившуюся по периметру высокого забора.

– Вылазь, – скомандовал майор. Он подошел к Лидии и произнес: – Дура ты, баба. Зачем себе жизнь портишь? Советую тебе – лучше со всем соглашайся, так проще будет.

– Моя дочка, – произнесла одними губами Лидия. – Что с ней?

– Что-что, – отмахнулся майор. – В детский дом. Уводите арестованную, – бросил он лейтенантам.

Лейтенант намеренно сильно ударил Лидию в спину:

– Пошла, пошла, шевели ногами.

В последний раз Лидия обернулась и посмотрела на мир глазами свободного человека. Хотя нет, она никогда не была свободной. Она уже давно находилась в тюрьме.

Нерьяновск оживал. Несколько прохожих спешили на работу мимо здания УГБ. Мама с двумя детьми шла в детский сад. Пожилая женщина с двумя тяжелыми сумками плелась, тяжело вздыхая. Никто из них не поднимал глаз. Никто не видел, что всего в нескольких метрах от них молодая женщина навсегда исчезает в чреве страшного здания. Никто не хотел этого видеть. Между людьми, по-прежнему ведущими размеренную жизнь, и Лидой, выбитой из этой жизни ночным стуком в дверь, разверзлась глубокая пропасть.

Яркое солнце поднялось над городком. Небо прояснилось, день обещал стать погожим. Лида вдохнула свежий воздух полной грудью. Неужели она никогда больше не увидит солнца? Неужели дочка, ее единственная дочка, останется сиротой?

Все это длилось какую-то долю секунды. Иллюзия свободы исчезла в тот момент, когда тяжелый кулак лейтенанта угодил Лидии под лопатку:

– Чего уставилась, падла? Топай живо, а не то получишь!

Она покорно сделала первый шаг. Первый шаг в ад. Вопреки ожиданиям, внутри здание УГБ ничем не отличалось от других советских казенных учреждений. Темно-зеленые стены, портреты вождей, обитые дерматином двери, скамейки, на которых сидели посетители, симпатичные секретарши и даже фикусы в горшках.

Лидию провели в крыло, отгороженное от остального мира железными решетками. Посетители, мимо которых она шла, не поднимали головы или смотрели сквозь нее, как будто она была призраком. Только одна женщина, ровесница Лидии, послала ей ободряющую улыбку.

На тюремной половине полная тетка в кителе задала ей вопросы: фамилия, имя, отчество, место рождения, адрес. Потом Лидию провели в небольшую комнатку, где стоял единственный железный стул. Тетка, гремя связкой ключей, приказала:

– Раздевайтесь.

– Что? – не поняла Лидия.

– Глухая, что ли, раздевайся, – перешла на «ты» тетка.

Лидия негнушными пальцами расстегнула пуговицу у горла. Стащила платье, оставшись в одном нижнем белье. В комнате витал весенний холод и сырость.

– Снимай все, – приказала тетка. – Непонятно, что ли?

Лидия не могла пересилить себя. Раздраженная незнакомая женщина требовала полностью обнажиться перед ней. Переминаясь с ноги на ногу, Лидия расстегнула бюстгальтер и осторожно положила его на стул.

– Трусы, тетеря, тоже снимай. И живее, живее, – распорядилась тетка.

Мамыкина зажмурила глаза. Ей отчаянно захотелось плакать. Почему процедура такая унижительная?! Она что, специально рассчитана на то, чтобы человек почувствовал свое ничтожество? Глядя в угол комнаты, Лидия выполнила приказание тетки.

– Открыть рот, – скомандовала тюремщица. – Шире, еще шире. Так, теперь уперлась руками в пол. Давай, давай, шевелись. Хорошо. Растопырься. Дура, что ли, не понимаешь, что я сказала? Быстрее. Ну! Можешь одеваться.

Красная от стыда и унижения, Лида трясущимися руками натянула кое-как одежду. Тетка скрылась, заперев ее в комнатке. Мамыкина присела на стул. Мыслей в голове не было, хотелось только одного – чтобы происходящее оказалось сном. Она не знала, сколько времени прошло, когда загромыхала железная дверь. Появилась тетка-тюремщица, вместе с ней молодая и вальяжная красавица в белом халате.

– Добрый день, – произнесла она грудным голосом. – Встаньте, пожалуйста, – обратилась она к Лидии. – Снимите платье.

– Что, опять? – Лидия встрепелась.

– Да, да, – улыбнулась докторша. – Снимайте. И нижнее белье. Очень хорошо!

Пришлось снова выполнить унижительные процедуры. Красивая докторша с легкой улыбкой убедилась, что Лидия не скрывает оружия, капсул с ядом или микрофильмов.

– Заберите это, – отдала она распоряжение тетке-тюремщице.

Та с брезгливостью сгребла вещи Лидии и направилась к выходу.

– Не беспокойтесь, милочка, – заметив немой вопрос Лидии, сказала докторша, сияя искорками бриллиантов в ушах. – Через несколько минут вам принесут другую одежду. Пока, пожалуйста, подождите!

Несколько минут растянулись более чем на четыре часа. Тюремщица конфисковала и туфли, поэтому Лида, поджав ноги, попыталась усесться на железный стул. Сиденье было холодным и неудобным, в такой позе она продержалась не больше получаса. Бетонный пол, несмотря на теплую погоду, отдавал пронзительным холодом. Лидия заплакала. От отчаяния. От внутренней боли. От ужаса и ощущения абсолютной беспомощности.

Наконец, едва Лида впала в тревожный сон, дверь распахнулась. Появилась тетка и грубо растормошила ее.

– Не спать! – проорала она. – Это запрещено!

– Где моя одежда? – устало произнесла Лидия. – Отдайте ее. Мне обещали, что через несколько минут все принесут.

Тетка ничего не ответила, выбежала, но через несколько минут появилась с грудой тряпок.

– Одевайся, – произнесла она.

– Это не мое, – растерянно сказала Лида. Вместо хорошего крепдешинового платица, которое она собственноручно сшила, на полу лежали сизого цвета балахон, безразмерные туфли без задников.

– Одевайся, и без разговоров! – прокричала тетка. – Живее!

Лида подчинилась. Внезапно ею овладело безразличие ко всему происходящему. Снова коридоры, решетки, грубые окрики. Наконец она оказалась на пороге камеры. Тетка втолкнула ее внутрь и захлопнула дверь, потом уставилась в «глазок», чтобы наблюдать за происходящим.

В общей камере находилось около тридцати женщин. Крошечное помещение, келья бывшего монастыря, было рассчитано на двух человек. На появление новой заключенной никто не обратил внимания. Каждый был озабочен собственной судьбой. В прочные каменные стены вмонтировали железные конструкции, на которые постелили доски. Это и являлось постелью для тех, кто угодил в камеру. Лежачих мест насчитывалось только десять, поэтому пока десять счастливиц предавались короткому, прерывистому сну, двадцать других в нетерпении ждали своей очереди.

Со всем этим Лида познакомилась позже, в тот день она просто зашла в камеру и, найдя место у стены, прислонилась к выкрашенной коричневой краской каменной кладке. Она не замечала разговоров, мелких ссор, стенаний, которые стояли вокруг, ее мучил единственный вопрос: за что? За что она оказалась здесь? Неужели только из-за того, что помогла ребенку, оставшемуся в одночасье без родителей? Лида вспомнила ехидное выражение лица буфетчицы Ниночки. Как она старалась при обыске, во всем поддакивая военным. Наверняка это она донесла. И мотив самый обычный – желание получить лишнюю комнату. Так делали многие. Соседи отправлялись в Сибирь, а доноски занимали их скромные апартаменты. Иногда подобная смена хозяев происходила несколько раз в год.

Лида никак не могла смириться со своей участью. Неужели все так просто – достаточно оклеветать человека, и он окажется в тюрьме. Но где же законность, где же справедливость и здравый смысл? Она подумала о дочери, которая осталась совсем одна. Родители Лиды умерли во время войны, мать Семена жила далеко, вряд ли она согласится взять к себе внучку.

В камере находились женщины, арестованные по пятьдесят восьмой статье. Кто-то питал надежду на то, что следователь увидит вопиющие ошибки и отпустит их, другие, осознав, что обратного пути нет, ушли в себя или намеренно вступали в конфронтацию с властью.

Первый допрос прошел ночью. Лида забылась тяжким, пустым сном на шершавых нарах, когда дверь распахнулась: ее и еще двух женщин требовали на допрос. Ничего не понимая, она шла по бесконечно длинному коридору, шурясь от яркого света. Голова болела, хотелось спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.